

СИНЯЯ ПТИЦА

КНИГА III
ПАУТИНА СУДЕБ

ЕЛЕНА САМОЙЛОВА

Елена А. Самойлова
Паутина Судеб
Серия «Синяя Птица», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178414
Паутина Судеб: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»;
ISBN 978-5-9922-0297-7*

Аннотация

Случается, что путешествие начинается там, где его совсем не ждали, а свадьба лучшей подруги едва не превращается в похороны виновников торжества. Андарион позабыт, и Еваника, сменив корону на удалую стрелецкую шапку, спешит через половину Росского княжества за советом к бывшему наставнику. Только вот кажущаяся легкой дорога с каждым шагом становится все труднее, все чаще лесная ведунья встает перед нелегким выбором— жить ли человеком «по совести» или же идти дальше по пути навязанного короной чужого долга...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	64
Глава 4	93
Глава 5	132
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Елена Самойлова

Паутина Судеб

Глава 1

Резной кленовый лист золотисто-багряной звездой опустился на студеную поверхность пруда, нарушив зеркальную гладкость воды. Спустя пару мгновений круги пропали, оставив после себя лишь едва заметную рябь. Холодный ветер второй декады листопада¹ прошелся по ярким кронам деревьев, росших вдоль берегов, обрушив на землю настоящий дождь из золотых и оранжевых листьев, добавив еще несколько ярких пятен в осенний ковер. Небо, до того ясное и высокое, что если лечь на спину и долго вглядываться в хрустальную синеву, то голова закружится от необъятности воздушного пространства.

Я убрала за ухо непослушную каштановую прядь, выбившуюся из-под короны, и зябко поежилась, кутаясь в теплую шерстяную шаль. Да уж, если бы кто-то из моих так называемых «подданных» увидел сейчас свою королеву, то наверняка не признал бы ее во взъерошенной девушке с покрасневшим носом, зябко прячущей тонкие замерзшие пальцы под белую шаль. Впрочем, с короной на голове меня сложно

¹ Листопад – второй осенний месяц (росск) – прим. авт.

спутать с кем-то еще, хотя видят небеса – иногда мне этого ой как хотелось.

Северный ветер слишком заигрался с подолом моего темно-синего платья, выстуживая теплую ткань, и я уже всерьез начала подумывать о том, чтобы перебираться в более комфортное место, как студёные порывы улеглись, и на парк спустилась тишина. Такая, какую можно услышать только в разгар осени, когда бабье лето уже позади, а проливные дожди еще не успели зарядить во всю силу, и Владычица Осени дарит последние ясные дни перед затяжным ненастьем. Тишина эта особенная – она не настораживает, не пугает и не подавляет. Напротив, расслабляет и лечит мятущуюся душу, но сейчас навалившееся безмолвие захотелось чем-то разбить. Хоть песней, хоть вскриком. Даже просто брошенный в воду камень, чтобы получился всплеск – тоже сойдет.

– Ведунья в раздумьях, – негромко произнес чей-то очень уж знакомый голос с едва уловимыми шипящими нотками над самым ухом. – Осенняя хандра?

Я обернулась и столкнулась взглядом с серьезными льдисто-серыми глазами серебряного дракона на человеческом лице.

– Аранвейн! Ты-то какими судьбами? – поинтересовалась я, двигаясь на скамейке и освобождая драконьему царю место рядом с собой. Тот беззастенчиво плюхнулся рядом, принципиально не прибегая к грациозности и текучей пластике движений, отточенных за века. Решил лишний раз не

показывать и без того огромную разницу между нами? Раз так, то прибыл явно по делу, а не просто языками почесать.

– Да вот, мимо пролетал, решил тебя навестить. Ты как, с королевскими обязанностями-то справляешься? Хотя, если судить по тому, что Андарион до сих пор живет и здравствует, более того, уже почти полностью восстал из тех руин, в которые его поверг мой народ, то с правлением у тебя все в порядке. Даже не просто в порядке, а замечательно.

Дракон едва заметно улыбнулся, проводив взглядом полет очередного кленового листа до водной глади. Как всегда, начинает издалека. Мудрый боян сначала завоюет внимание слушателей, а уж потом начнет излагать основную мысль, и этим бояны схожи с правителями, которые вначале заговорят о делах собеседника, а потом уж о своих собственных.

– Ну, так год с лишним уже прошел. Было бы удивительно, если бы не отстроились, – пожала плечами я. – К тому же, с вашей весьма полезной магией восстановление шло ударными темпами.

Аранвейн несколько секунд пристально смотрел на меня, а потом неожиданно тихо поинтересовался.

– Похоже, глаза меня не обманывают, и из бесстрашной ведуньи, которую я принял в своем тронном зале, в самом деле выросла королева? Правильная до мозга костей, величественная... и бесстрастная? Еваника, скажи мне, куда делся тот огонь, что горел в твоих глазах чуть больше года назад? Я знал, что люди меняются настолько быстро, что нам,

драконам, не уследить за этим, но ты... Тогда мне казалось, что изменить тебя не сможет ни Небесный Колодец, ни корона. Похоже, я ошибался. Так что же с тобой случилось? Куда делась та девочка, которая смеялась в лицо драконьему царю просто потому, что не могла не смеяться?

– Выросла, – я отвернулась, наблюдая за танцем листьев в стылом воздухе.

Еще немного – и деревья окончательно лишатся своего убранства, а на землю выпадет первый снег. Зима в прошлом году оказалась неожиданно мягкой, тогда как нынешняя осень предсказывала суровую и вьюжную. Как говорила одна моя знакомая, когда дело заходило о планах на будущее: «Поживем – увидим, доживем – узнаем, выживем – учтем». Где она сейчас с таким девизом – не знаю, но хочется надеяться, что еще на этом свете.

– Или попросту решила, что *надо* вырасти. – Дракон положил руку на мое плечо и чуть сжал. – Я знаю о законах Андариона и законах Темного Крова. На это ушло твое пламя, без которого ты перестаешь быть собой? На то, чтобы не чувствовать, потому что забыть все равно не получится?

– Все-то ты видишь, все понимаешь, – вздохнула я, плотнее кутаясь в шаль. – А откуда ты знаешь, что мне такое не нравится?

– Хотя бы оттуда, что ты сейчас сидишь здесь в человеческой ипостаси. Видела бы ты себя со стороны.

– А, по-моему, вполне себе королева...

– Маленькая, уставшая и потерянная дурочка, а не королева, – устало вздохнул Аранвейн, поднимаясь со скамейки и нависая надо мной. Я невольно поежилась и попыталась отодвинуться, но драконий царь не дал. – Хватит загонять себя в черную меланхолию, это тебе не идет. Королева должна понимать, что если что-то изменить нельзя напрямую, то можно использовать обходной путь или чужие руки, а если и этого нельзя, то смирение, приводящее к депрессии – непозволительная роскошь!

– Да кто ты такой, чтобы меня учить?! – взвилась я, всплеснув руками и телепортом отодвигаясь на десяток шагов. Белая шаль сползла на лиственный ковер, но я не стала отвлекаться, чтобы ее подобрать. – Что ты понимаешь, а?

– Только то, что пока ты загоняешь себя в угол, ты перестаешь быть хорошей правительницей! Становишься тряпкой. Женщиной, которая будет подвержена чужому влиянию. Я удивляюсь, как до сих пор никто не управляет Андарионом вместо тебя, пользуясь тобой, как хорошенькой куколкой, не имеющей собственного мнения и делающей то, что ей говорят. – Аранвейн говорил спокойно, но каждое слово его резало, как хорошо поставленный удар клинка. Да, он был прав. Почти. И именно эта правота разозлила меня еще сильнее.

Гладкая поверхность озера пошла рябью, как в ветреный день, а потом забурилась, выстреливая в воздух струи ледяной воды. Кончики пальцев у меня засветились, когда магия,

которой в последнее время я пользовалась редко, пролилась из меня прозрачным, почти невидимым пламенем, от которого листья под ногами начали медленно тлеть.

– Не надо, Аранвейн. Ты прилетел, чтобы поставить меня на место или еще зачем-то? – вода в озере пошла кругами, раскручивая воронку водоворота, когда драконий царь широко улыбнулся.

– Вот это уже Еваника, которую я знал, по крайней мере, уже похоже на нее. Всё, ведунья, прекращай балаганные фокусы, я здесь по делу, а не только чтобы поделиться мудростью и позанудствовать, как и положено старому дракону.

Ну вот, я же говорила.

– Разве?

– У Ритана и Вильи свадьба на днях. Я прилетел с приглашением.

Вода в озере моментально успокоилась, а я озадаченно потерла лоб, глядя на невозмутимого драконьего царя, который, как мне казалось, с удовольствием бы пояснил, каким ребячеством выглядела моя выходка, но решил промолчать.

– Чего же раньше не сказал? – И, самое главное, почему мне ничего не сказала Вилька? Переписывались мы с ней раз в месяц, а то и чаще, и, насколько я помню, ни в одном из ее писем не было ни слова о грядущей свадьбе. Чаще подруга то изливала душу в жалобах на мужское население в целом и на одного отдельно взятого дракона в частности, то спешила поделиться счастьем от очередной выходки Ритана с ро-

мантическим уклоном. Но вот о том, что Вилья решила наконец-то остепениться, слышу впервые.

– Тебя поначалу встряхнуть надо было. Чтобы ты согласилась на небольшую авантюру.

– Какую же? – осторожно поинтересовалась я. Дракон только улыбнулся еще шире.

– Полетели в Серебряный Лес. Прямо сейчас. Свадьба состоится через день, только если те двое опять не переругаются и не отменят все в последний момент.

– Прямо сейчас? – я озадаченно опустила руки, мрачно разглядывая длинный подол королевского одеяния. – Ты уверен, что это хорошая идея – лететь туда налегке? Я ж в этом платье измучаюсь в дороге.

– Уже хорошо, что ты задумалась о том, что ничего с собой не берешь, а не о том, что королеве, вообще-то, нельзя покидать свое королевство просто так. Я имею в виду – без предупреждения ближайших подданных, охраны и всей той мишуры, которая обычно сопровождает отъезд правящего лица государства, – Аранвейн поднял шаль с земли, отряхнул ее от опавшей листвы и набросил мне на плечи. – Вот когда порадуешься, что я гораздо более опытный правитель, нежели ты, и уже обо всем позаботился. – Он указал на небо, где над деревьями нарисовалась хрупкая фигурка в развевающихся одеждах. – Смотри.

Светлые с черной каймой крылья мелькнули в воздухе, а спустя полминуты на берег приземлилась Хэлириан, через

плечо которой висела моя бездонная походная сумка, объем которой не раз выручал меня в дороге. Судя по тому, как заговорщически переглянулись Верховная Жрица Андариона и царь Алатырской горы, они сначала имели долгий и обстоятельный разговор с глазу на глаз, а потом решили и меня втянуть в затею, абсолютно не подходящую королеве. Но столь подходящую для бесшабашной ведуньи.

– Ева, может, ты наконец снимешь с меня свой походный арсенал? – возмутилась Хэли, явно вспомнив о временах, проведенных у костра в местах, отмеченных на русских картах «черной меткой». – Как ты с ней столько времени ходила, понятия не имею, она же жуть какая тяжелая!

– Привычка – вторая натура, – хмыкнула я, снимая с запыхавшейся жрицы ношу и заинтересованно заглядывая в нее.

Опаньки, да там помимо имущества ведуньи, которое никто, я в том числе, и не подумал вытряхнуть и разложить в подобающем порядке, прибавился новенький меч в наспинных ножнах, оголовье которого тускло блеснуло в холодных лучах осеннего солнца. Неудивительно, что сумка казалась такой тяжелой – видимо, меч клали последним, вот он и отягощал своим весом хрупкую, не привыкшую к подобным ношам жрицу.

– Хэли, а меч-то зачем, ежели на свадьбу к Вилье летим? – поинтересовалась я, продолжая перебирать содержимое сумки, наугад вытаскивая из недр артефакта полезные

и не очень вещи.

Конечно, все я перевероршить не смогу, но буду хотя бы в общих чертах знать, что у меня валяется. А то с девушек станется туда и полный доспех, оставшийся в наследство от Таль Синей Птицы, запрятать, благо артефактная сумка и не такое позволяла. В руку угодило слегка облезшее чучелко неведомой птицы, сиреневое «оперение» которой еще лет пять назад утратило свою первоначальную форму – перышки распушились по всей длине, и чучелко теперь напоминало не птичку, а странный пушистый комочек с вытаращенными глазами и длинным изогнутым клювом.

Елки-палки, сколько ж лет оно у меня тут лежит?!

– Ева, насколько я тебя знаю, у тебя попросту феноменальный талант влипать с завидным постоянством в очень неприятные ситуации, – фыркнула Хэлириан. – И не забудь, что Небесный Хрусталь тебе придется оставить здесь.

– Да-да, помню я. Талисманы не должны покидать границ Андариона и всё такое, – отмахнулась я, кладя чучелко обратно в сумку, в который раз пообещав себе выбросить его в ближайшем темном переулке, и выуживая вместо нее теплую кожаную куртку. Шаль, конечно, вещь сама по себе хорошая, но на ветру во время полета на драконьей спине она не поможет. Теперь я смотрелась совсем уж странно – настолько королевский наряд не сочетался с выдавшей гораздо лучшие дни походной курткой, но кому какое дело, в каком виде я на драконе летаю. – Тебе-то хоть есть, куда ее поло-

жить? Я про корону.

Хэли на секунду задумалась, а потом ойкнула, смущенно указывая крылом на мою сумку. Ага, так я и думала. Дамы в спешке сунули туда футляр для короны, а теперь его уже и не найдешь, пока не перевернешь сумку вверх дном. Хотя, если постараться, то этого можно избежать.

– Ладно, сейчас будет. – Я снова закопалась в сумке, мысленно представляя этот самый футляр – строго говоря, нечто вроде сумки из жесткой кожи, раскрывающейся, как коробка для украшений, и висящей на длинном ремешке – когда Аранвейн напомнил о себе.

– Думаю, нам пора. Мы с Хэлириан уже подготовили обращение к народу от твоего имени, где Хэли назначается твоей заместительницей на время твоего отсутствия в Андарионе. Надеюсь, мы не перегнули палку, сочиняя такой указ, а? – дракон сделал несколько шагов назад, собираясь трансформироваться, а я только плечами пожала, ища футляр.

Сомневаюсь, что эти двое насочиняли указ покруче тех, что иногда пишут бояре для русского князя Владимира. Читала, знаю. Вилькин дед эти «указы» хранит в отдельном сундуке и иногда читает на ночь глядя, когда охота от души посмеяться. Куда там срамным стишкам, в охоте за которыми княжеские писари целых две недели торчали на базарной площади.

Серебристый свет окружил Аранвейна, и я прекратила поиски, зачарованно глядя на то, как шар густого, как ту-

ман, света, окутывает человеческую фигуру, становится еще гуще, плотнее и плавно увеличивается в размерах. Сколько раз уже наблюдала смену ипостаси у чистокровного дракона – все никак не могу насмотреться. Есть в этом зрелище какая-то притягательная сила, словно подсматриваешь за чем-то невероятно древним, выплетенном из первичной магии, овладеть которой не может никто, кроме самих драконов. Впрочем, так оно и есть. На подобные фокусы, насколько мне известно, еще Великий Полоз способен, но змеиный царь живет глубоко под землей, и его еще никто не видел. Нет, вру. Девки, которых Полоз иногда сманивает к себе на брачное ложе под землю – те уж точно видели, но рассказать никому и ничего уже не сумели. Только на том месте, где девицу под землю забрали, выступает на поверхность самородное золото или камни самоцветные – навряд ли как Великий Полоз откуп родне отдает. Драконы же, как мне рассказывали, откуп за «похищенную» девицу в случае чего предпочитают передавать лично из рук в руки.

Аранвейн с наслаждением расправил широкие кожистые крылья и щелкнул зубами, один вид которых вызывал искреннее уважение абсолютно у всех, кто их видел, а их остро-ту проверять, пусть даже в шутку, я бы не стала ни при каких условиях. Серые драконьи глаза, напоминавшие о замерзшем озере, выжидающе уставились на меня, и в этот момент футляр для короны все-таки оказался в моей руке. Еще пару секунд я возилась с застежкой, после чего сняла с себя венец

истинной королевы и, бережно уложив в предназначенное для него углубление, едва ли не с облегчением передала Хэ-лириан. Как будто пудовую гирию с себя сняла, право слово.

– Что, полегчало, ведунья? – усмехнулся дракон, ложась на землю и складывая крылья. – Забирайся давай, пока кто-нибудь за нами не увязался.

– А с Андарионом что? – поинтересовалась я, застегивая куртку и вешая сумку через плечо. – Государство развалить точно не успеете?

– Я обо всем позабочусь, обещаю. В конце концов, с политикой знакома не понаслышке, – улыбнулась Хэли, вешая футляр с короной себе на шею. Что-то не нравится мне эта улыбка, наверняка ведь захочет приложить руки к внутреннему убранству дворца. Если опять попытается подвесить к моей кровати балдахин с рюшечками – прибью. Нет, лучше целый месяц заставляю ходить в розовом платье в цветочек – она этот цвет терпеть не может, как и я – обилие кружев над головой в спальне.

– Ну да, а если что – то Ведущего Крыла к делу приплетешь, когда он вернется, – вздохнула я, подходя к драконьему боку, когда у меня за спиной раздался печально знакомый голос, прямо-таки сочившийся сладким ядом.

– И к какому же делу вы, моя уважаемая королева, предлагаете меня приплести без моего на то ведома?

Ну, бывают же дни, когда птица обломинго, простирающая свои крылья над неудачниками, пролетает и над моей

головой. И как жаль, что ее нельзя сбить на подлете, особенно сегодня!

Я медленно развернулась, сталкиваясь взглядом с черными зеркалами глаз на лице Данте. Темная куртка наемника покоилась у него на плече, пропыленная и в паре мест порванная, но сам аватар был в полном здравии и, если судить по каменному выражению лица, зол как никогда. Хэли тихонько, бочком, отошла в сторонку, а я невольно прижалась к Аранвейну.

– Хэли, он что, не в курсе был? – негромко поинтересовалась я у Верховной Жрицы, которая недвусмысленно указывала глазами на небо. Нет, я понимаю, что по-хорошему, надо было бы забраться на спину Аранвейна побыстрее, но ведь Данте успеет сдернуть меня с дракона раньше, чем тот наберет достаточную высоту и скорость, чтобы оставить аватара далеко позади. А с Ведущим Крыла лучше не ссориться всерьез – потом проблем не оберешься.

– Не в курсе чего? – нарочито ласково переспросил Данте, подходя ко мне ближе и оглядывая с головы до ног. – Далеко собрались, ваше величество?

– Недалеко, через несколько дней вернусь, – я наконец-то вспомнила, что являюсь не абы кем, а королевой, а значит, имею право на незапланированный дипломатический визит, и перестала вжиматься в серебристую чешую, принимая величественный вид. На Данте все равно впечатления особого не произведет, но хоть самой не стыдно будет. – Аранвейн

прилетел, чтобы отвезти меня в Серебряный Лес, он же взял на себя ответственность по обеспечению моей безопасности на время этой поездки. Визит не настолько официальный, чтобы собирать делегацию, потому что я поеду не как королева Андариона, а как Еваника Соловьева. Вам же, как Ведущему Крыла, я поручаю охрану Андариона и Верховной Жрицы. Хэлириан будет моим заместителем на время моего отсутствия, посему охраняйте ее, как охраняли бы меня. Приказ вам понятен, Ведущий Крыла?

Честно говоря, я думала, что он меня прибьет. Конечно, в другой раз и пока никто не видит, но хотя бы Хэли одна не останется, а у меня будут в Серебряном Лесу хлопоты и без Данте, который, разумеется, ни на шаг от меня не отойдет. И кому, спрашивается, от этого легче будет? Мне – уж точно нет. Я до сих пор толком не знаю, что творится в душе аватара, ведь с того дня, как меня короновали, мы больше не разговаривали, как близкие люди. Честно говоря, общение было сведено к деловому, потому что безапелляционное «нельзя», подкрепленное буквой закона, в котором говорилось, что аватарам вступление в брак с членами королевской семьи запрещено, любую попытку как-то преодолеть выросшую ледяную стену превращало в фарс, не оканчивающийся ничем хорошим. Как-то не устраивало нас обоих положение тайных любовников, когда свобода в выражении чувств ограничивается общей спальней. Пока – не устраивало. Я не могла себе представить эту пародию на семейную жизнь, где

аватару придется пробираться ко мне в спальню через смежную дверь по вечерам, а утром покидать мою постель, возвращаясь к обязанностям Ведущего Крыла.

Но если бы он только предложил... Хотя бы сделал шаг навстречу – я скорее всего смирилась бы с необходимостью не афишировать наши отношения на публике, все равно, кому надо – те и так будут все знать, другое дело, что вряд ли эти «кто-то» будут распускать ненужные сплетни. Но Данте, который всю сознательную жизнь вел двойную, а то и тройную игру, находясь на должности Ведущего Крыла, уже настолько устал от недомолвок и тайн, что предпочел отказаться от меня, одним махом сведя наши отношения к форме «королева – аватар». Потому у меня и руки опустились – как можно пытаться строить отношения с тем, кто этого не хочет? Насильно? Ну-ну, посмотрела бы я на того, кто сумеет заставить Данте делать то, чего он не хочет, за исключением исполнения не особенно приятных обязанностей по долгу службы.

– Как вы знаете, ваше величество, я в первую очередь обязан заботиться о своей стране...

Ну, хвала небесам. Значит, не увяжется следом.

– А сейчас благополучие Андариона напрямую зависит от истинной королевы, то есть вас. К тому же, – Данте наконец-то перестал изображать из себя беспристрастного аватара, и его глаза стали человеческими, перестав быть холодным зеркалом. – Еваника, зная твою феноменальную способность

влезать в сомнительные авантюры и находить неприятности там, где их и быть не должно, одну я тебя отпустить точно не могу. Не в обиду Аранвейну, которого я глубоко уважаю, но он рискует за тобой попросту не уследить.

Нет, похоже, что все-таки увяжется.

Я покосилась на дракона, но тот только нетерпеливо выдохнул мне в лицо струйку дыма. Ладно, леший со всеми вами, подозреваю, что на свадьбе Вильки не до охранника будет.

– Ладно, летим вместе, – отмахнулась я, с помощью левитации поднимаясь на драконью спину и кое-как устраиваясь между костяными наростами на хребте. – Хэли, не разгроми Андарион до моего возвращения!

– Издеваетесь, вашество, или как? – айранит улынулась. – Можно подумать, вы мне не доверяете.

– Я на всякий случай предупреждаю. Аранвейн, мы уселись, давай на взлет!

Дракон только шумно выдохнул, выпуская из ноздрей струйки белесого дыма, и взмахнул крыльями. Меня вдавило в жесткий гребень, тряхнуло, а потом дракон рывками начал набирать высоту. Аранвейн заложил круг, поднимаясь все выше, пока внизу острыми шпилями не показались белые башни, скользнул мимо флюгера на крыше Снежного дворца и устремился в сторону гор. Холодный ветер ударил в лицо, отбрасывая волосы назад и выбивая слезы, ледяным покрывалом обволок руки, на которые я позабыла надеть перчатки

и запел неповторимую песню поднебесья.

Из-за серых осенних туч выглянуло холодное, толком не греющее солнце, и от его лучей величественные горные вершины, покрытые нетающими снегами, вспыхнули, как самые большие в мире алмазы. Правы были гномы, говорившие, что горы – самые ценные сокровища в мире. Вот они – прекрасные бриллианты, горящие мириадами огней под холодным северным солнцем, и никто не сможет упрятать их под замок в свою сокровищницу, не спрячет от света во тьме. Они принадлежат всем, и сейчас сияют так, что глазам больно.

Я отвернулась от величественных горных пиков, вспарывающих облака, и посмотрела на запад, туда, где за снегами и горными тропами раскинулось лесное королевство эльфов, в котором никогда не бывает зимы. Серебряный Лес, осень в котором отличается от лета только густыми туманами над озерами и золотыми кронами деревьев...

– Держис-с-сь крепче, ведунья! – Аранвейн торжествующе заревел и скользнул в воздушный поток, расправив сверкающие серебром кожистые крылья во всю их немалую ширину. Ветер засвистел в ушах, меня вдавило в гребень, но ощущение невероятной свободы захватило меня полностью. Пусть в другой ипостаси у меня были собственные крылья, но ничто так не возвращает угаснувшую страсть к свободе, как полет на драконе! Не зря их зовут повелителями неба, владыками ветров.

Свобода быть собой – вот о чем пел ветер, запутавшийся в моих волосах. А сколько продлится эта свобода – несколько дней или же до последнего вздоха – пусть решает капризная женщина по имени Судьба, ткущая свое покрывало, где каждая нить – это жизнь. И до чего же прекрасно это покрывало, где каждая нить переливается в узор своим оттенком или же пропадает, когда приходит срок угаснуть одной жизни и возникнуть другой.

Горы медленно уплывали, оставаясь за спиной Аранвей-на, а впереди замаячило золото, багрянец и зелень лесов. Снова Русское княжество встречает меня осенью. Наставник поговаривал, что вся наша жизнь – это не просто путь. Это раскручивающаяся спираль, где каждый виток начинается почти там же, где и заканчивается предыдущий, только чуть дальше, и беда, если жизненный путь замкнут в кольцо – тогда человек до конца жизни обречен повторять прежние ошибки, путаться, сбиваться с пути, но вновь и вновь возвращаться к тому, с чего все началось.

Встреча с Хэлириан, перевернувшая мою жизнь с ног на голову, произошла в начале осени. Осенью мы познакомились с Алином в Серебряном Лесу. И мое возвращение Русское княжество встречает не изумрудом колосющихся трав и не снежным ковром, а богатством золотой осени. Быть может, этот новый виток спирали все наконец-то расставит по своим местам, проведет черту между мной-королевой и мной-ведуньей. Или же поможет родиться чему-то новому.

Время покажет, а пока пусть все идет так, как задумано судьбой.

Я глубоко вздохнула и покрепче ухватилась за нарост на драконьем хребте, надеясь, что у Аранвейна хватит благородства не устраивать в воздухе никаких «мертвых петель»...

* * *

Серебряный Лес всегда поражает своим неслыханным величием того, кто прибывает в него впервые через «гостевые врата». Гости ведут сквозь аллеи, дорожки которых выложены белым и розоватым мрамором, где колонны, кажется, вырастают прямо из земли, а деревья сплетаются ветвями над головой, образуя живой коридор. Весной и летом солнце пробивается сквозь изумрудно-зеленую листву, заливая солнечным золотом мраморные плиты, а осенью аллея встречает гостей медными и рубиновыми кронами. Когда попадаешь к эльфам впервые, то дух захватывает от той красоты, которую тебе показывают.

Но это если ты званный гость.

Если же ты попадаешь к эльфам в качестве непонятого довеска к всезнающему волхву, который уже давно видел и красоты, и обыденную жизнь Серебряного Леса, то воспринимаешься как неодушевленный предмет. В свое время я сталкивалась с некими остроухими субъектами, которые,

как мне казалось, безмерно удивлялись, если «тумбочка», идущая рядом с Лексеем Вестниковым, вдруг начинала разговаривать.

Но вот сейчас поражалась уже я. Не спорю, что «великие и всезнающие» эльфы на своем веку ко всему привыкли, но если они даже на приземление дракона в своих землях реагируют простым пожатием плеч и фразой навроде «Поналетели тут всякие», то в этом мире что-то определенно сдвинулось. В человеческих городах уже давно звенел бы тревожный набат, стражники на стенах заряжали бы баллисты, стреляющие двухаршинными болтами, способными пробить даже драконью шкуру. А здесь со стороны местных жителей – ноль внимания, разве что посторонились, чтобы освободить дракону место для приземления. Аранвейн уже складывал крылья, когда к нему подбежала рыжеволосая девушка, в которой я, присмотревшись, с трудом узнала Ревилиэль.

С трудом – это потому, что Вилька неслась к дракону, обряженная не то в подвенечное, не то просто в праздничное платье, скроенное по последней эльфийской моде, подобрав подол, из-под которого предательски выглядывали потертые штаны и сапоги. Интересно, а это у них генеральная репетиция свадьбы происходит, или же подруга решила потренироваться в краже невесты собственными силами?

– Ева-а-а-а!!! – Полуэльфийка остановилась, чуть-чуть не добежав до места посадки Аранвейна, и принялась размахивать руками на манер сломанной ветряной мельницы. Я

вздохнула и, не дожидаясь, окончания драконьего приземления, слевитировала прямо в крепкие объятия подруги, которая на радостях меня едва не придушила. – Спаси меня!!

– А-а-а-атпусти меня-а-а-а-а! – я едва вывернулась из рук младшей княжны, которая, как я поняла, не забрасывала тренировки, пока я правила Андарионом, чего нельзя было сказать обо мне. За меч я уже почти год не бралась, если не считать того, который прилагался к короне, но им-то размахивать необходимости не было. Так, потаскать с собой иногда для проформы и соблюдения традиций. – Виль, ты чего, сдурела? От кого тебя спасать?

– Замуж не хочу, – страдальчески простонала младшая княжна, а я подняла глаза к небу. Вернее, к иронично ухмыляющейся драконьей морде, которая нависала аккурат над нашими головами. Аранвейн, похоже, откровенно забавлялся происходящим, даже позволил себе некое подобие улыбки, от которой непосвященного бросит в холодный пот от ужаса. Я же только молча кулаком погрозила, одновременно пытаюсь разобраться в том, что происходит в этом дурдоме.

Тем временем с драконьей спины спустился Данте и, молча обзрев окружающую обстановку, решил тактично не вмешиваться. Ну и правильно, его советов тут только не хватало. Полуэльфийка, завидев его каменно-спокойное лицо, моментально перестала завывать на все лады, сетуя на свою горькую девичью долю, и вполне себе вменяемо поздоровалась.

Я с облегчением вздохнула. Кажется, все эти крики и вопли – лишь игра на публику. Зуб даю и заначку из королевской казны, что Ревилиэль просто дурака валяет, снимая нервозность перед свадьбой таким нехитрым способом. Правильно, проще закатить мнимую истерику сейчас, чем настоящую в момент бракосочетания. Интересно, как Ритан вообще на такую авантюру согласился? Увижу – спрошу непременно.

Тем временем Вилья, крепко ухватив меня за руку powyше локтя, потащила куда-то по едва заметной тропинке, заговорщическим тоном сообщив о том, что девичник объявляется открытым. Я, припомнив последнюю нашу совместную пьянку на радостях после восстановления Андариона, тихо застонала, и внутренне приготовилась к тому, что придется весь вечер колдовать, превращая медовуху в воду. Впрочем, если судить по довольному Вилькиному лицу, резерв сегодня у меня кончится гораздо раньше запланированного.

– Ну, рассказывай, – скомандовала та, едва мы оказались в высоком резном тереме, таком, каких в Стольном Граде днем с огнем не сыскать. Разве что княжеский мог бы сравниться с этим чудом, где каждая доска, каждая завитушка в причудливом переплетении узорчатых листьев тихо шептала о чутких руках мастера. Можно долго рассуждать о том, кто кует лучшее оружие – гномы, эльфы или подземные духи. Спорить, в чьих сокровищницах богаче клады – у драко-

нов или же в заброшенных катакомбах Гномьего Кряжа. Но спроси у любого – кто строит лучшие дома на поверхности, и каждый скажет – эльфы.

То, что они творят с деревом, никто не сможет повторить, тем паче – превзойти. Дерево в их руках вьется, как кудель под пальцами умелой прядильщицы. Изгибается, как девичий стан под чуткими ласками любимого, и позволяет вырезать на себе узоры, которые вблизи кажутся всего лишь естественными прожилками, выбоинками, но стоит лишь отойти на несколько шагов, как вот она – величавая картина векового леса, или же побег выюнка, оплетающего ставень или дверной проем. А если заглянуть внутрь, то кажется, что дом весь пронизан солнечным светом, которого так много, что никак не избавишься от ощущения, что находишься не в горнице, а на залитой солнцем лесной поляне.

Вот и сейчас – я просто столбом застыла на пороге, кожей впитывая льющийся из широко распахнутых окон солнечный свет и жадно вдыхая аромат нагретой на жарком червеньском солнце сосновой смолы. Хорошо. Чертоги Снежного дворца, разумеется, и больше и богаче, но именно здесь ко мне пришло, казалось, давно ушедшее чувство – жива. И свободна.

– Ау, Евочка, ты в каких высях опять паришь без крыльев?

Я вздрогнула и посмотрела на задорно улыбающуюся Вильку, которая уже вытаскивала из светлого деревянного

шкафа запечатанную бутылку с эльфийским медом. Подруга убрала за ухо упорно лезущую в глаза прядь и потянулась за серебряными бокалами, украшенными гравировкой в виде переплетенных кленовых листьев и каких-то цветов, похожих на колокольчики.

– Ты так сосредоточенно о чем-то думаешь. Можно узнать, о чем?

– О доме. – Абсолютно честно ответила я. Ответила и задумалась.

А где он, этот дом, блуждающим болотным огоньком палящий где-то впереди, но так и не дающийся в руки? Есть ли он для меня вообще?

Вначале я думала, что это маленькая избушка с покатою крышей, надежно укрытая от недоброго глаза русскими лесами, потом – что бревенчатый дом в Древицах, а в прошлом году меня приютили чертоги Снежного дворца. Да не просто приютили – приняли хозяйкой, но и там не было того тепла и спокойствия, который дарил бы мне дом. Странное дело, но дом стал казаться для меня кем-то вроде того, единственного возлюбленного, которого втайне желает встретить каждая девушка, каждая женщина. Нечто призрачное и неуловимое, что всегда рядом – и одновременно так далеко, что рукой не дотянуться.

Дом волхва всегда распахнет предо мною двери, но как гостье. Знахарка Метара в пограничном поселении рядом с Серым Урочищем будет по-прежнему мне рада, стоит только

переступить порог, привычно пригибаясь, чтобы не задеть головой низкую притолоку в сенях, но я никогда не стану ей родной дочерью. Мраморные залы Снежного дворца в далеком Андарионе поманят бархатом портьер и картинами, созданными из самоцветных камней, позовут эхом длинных коридоров, встретят радостными возгласами тех, кто почитает меня королевой, но и там я буду пришлой. Чужой. Той, которая может быть правительницей, заслуживающей верности и уважения, но не любви и согревающих объятий.

– У-у-у-у-у, как тебя это царствование-то из колеи выбило, – сочувствующе покачала головой полуэльфийка, невесть откуда выуженным ножом подковыривая сургучную печать на горлышке бутылки. Еще полминуты возни – и вот уже пробка лежит на полированной столешнице, а от хмельного меда по всей горнице разливается дивный аромат весеннего березового сока, смешанного с душистым медом и чуть-чуть приправленный осенней горчинкой. Точно напьюсь сегодня. Не от горя, так хоть с радости, что взбалмошную подругу по любви замуж выдаю.

Ревилиэль разлила по серебряным бокалам прозрачное золотое вино, и первый тост, по эльфийскому обычаю, пошел за ушедших. Не знаю, кого про себя вспомнила Вилья, но мне на ум пришел Алин, чей пепел развеялся над заброшенной дорогой Ночного перевала. Пусть твоя звезда ярче сияет на ночном небосклоне, друг мой, указывая путь заблудившимся.

По правде говоря, зимой, еще в Древицах, я забиралась на стрелковую вышку, и уже оттуда смотрела в черные небеса, на которых россыпями зерен мерцали далекие звезды, и гадала, какая же из них принадлежит Алину. Подолгу, до боли в глазах, я вглядывалась в морозный мрак, а ветер гнал со стороны гор тяжелые тучи, до краев полные колкого снега, нес на своих крыльях злую студеную метель. И когда мороз добирался уже до костей, я спускалась по шаткой, обледенелой лесенке, опрометью неслась по заснеженной улочке, скользя по коварно скрывающейся под пушистым зимним одеялом наледи, чтобы поскорее оказаться в теплых сенях знахарского дома. Сбросить в угол заснеженный полушубок, скользнуть в горницу, заполненную ароматом свежевыпеченного хлеба. И уже не вспоминать о ледяном бархате ночного неба, отражение которого жило в глазах чернокрылого аватара.

Под золотистое эльфийское вино разговор пошел легче. У обеих многое накопилось, многое хотелось рассказать. Поделиться, как раньше, страхами и сомнениями, а у нас и того, и другого было в достатке. Вилья, решившись на свадьбу с Ританом, места себе не находила, то вспоминая, как выдавали замуж старших двоюродных сестер и едва не бросаюсь к сумке с немногочисленными пожитками, чтобы удрать на ночь глядя, то начинала перебирать наряды и вздыхать о том, что будет после венчания. Честно говоря, я ее понимала, и даже думать не хотела, что будет, если и я решусь на брак.

А я... А что я могла сказать? Что у меня есть неделя свободы, когда мне можно забыть про тяжесть почти невесомого королевского венца и обязательства, которые не дают мне покоя? Что могу смотреть в глаза Данте так, как мне хочется, не обращая внимания на тех, кто может оказаться рядом?

Солнце постепенно закатилось, Серебряный Лес погрузился в сумерки, и только в нашей горнице горел добрый десяток ярких магических огней, то и дело слышались взрывы смеха, да и народу прибавилось. Началось все с заглянувшей «на огонек» златокудрой дриады, знакомой с Вильей еще с тех времен, когда она жила в Стольном Граде, а закончилось все тем, что я обнаружила себя сидящей в компании довольно нетрезвых дриад и эльфов. Как назло, в заначке у Ревилиэль вино всё не переводилось, и хоть айраниты пьянеют гораздо менее охотно, чем люди или эльфы, ноги меня уже почти не держали. Кажется, я вела долгий философский диспут с невесть как затесавшимся на «девичник» Аранвейном, после чего резко встала из-за стола, едва не перевернув оный, и по стеночке добралась до выхода.

Свежий ночной ветер опьянил меня сильнее, чем только что выпитое медвяное вино, поэтому я не сразу обнаружила, что на резном крыльце сию не одна, а доверчиво уткнувшись лицом в чью-то жесткую кожаную куртку, пахнущую пряной осенней горечью опавших листьев, дымом костра и почему-то вересковым цветом. Сообразила, попробовала отстраниться, но взгляд выхватил в сгущающихся су-

мерках черты узкого волевого лица, пряди волос, выбившиеся из хвоста и занавесившие левую щеку, и глаза, еле заметно сверкавшие серебром искорок в ответ звездному небу.

Он тоже заливал сегодня свою непонятную доселе, почти звериную тоску, от которой мне иногда хотелось оборотиться волком и убежать в лес наперегонки с ночным ветром, воя на бездушно-холодную луну. Тоже хотел сегодня забыть о чем-то своем, несбывшемся, что кололо душу льдистой, не дающей покоя занозой. Но сейчас он просто сидел рядом, держа меня в объятиях. Крепко.

Так, как держат драгоценность, которую в любой момент могут вырвать из рук, оставив ни с чем.

Или свое счастье...

Глава 2

Утро накрыло меня золотистым снопом теплых солнечных лучей, заставляя морщиться и зарываться лицом в подушку, стремясь урвать у наступающего дня еще несколько минут сна. Голова после вчерашней гулянки гудела, как рой рассерженных шмелей, виски отзывались резкой колющей болью на каждую попытку пошевелиться, а память «радовала» мутным туманом, застилающим события прошедшей ночи. Последнее, что я помнила – это то, как я пытаюсь не заснуть на плече Данте, сидя с ним в обнимку на крыльце дома, где проходило предсвадебное веселье с тягучими «прощальными» песнями. Все остальное вспоминалось с большим трудом. Впрочем, как я и подозревала, напиться накануне до стадии «а что вчера было?!» мне не удалось, хоть я и старалась, как могла. Видимо, во всем виновата повышенная устойчивость организма айранита к хмелю, или же было просто мало выпивки.

Я потянулась, и рука моя задела кого-то, лежащего рядом со мной, причем этот кто-то, стоило мне только привстать, моментально сгреб меня в охапку, прижимая к груди, жар которой ощущался даже сквозь тоненький лен нижней рубашки. Негромко пискнув, я попыталась высвободиться и заодно разглядеть, с кем же мне угораздило проснуться поутру.

Впрочем, могла бы и не сомневаться – аватар уже садился на скомканных простынях, держась за голову и все еще слабо соображая, что тут происходит. А я медленно впадала в тихую истерику, и только похмелье не позволило мне сначала взвыть в голос, соскочить с кровати, и уж потом разбираться, что к чему. Да и память, как назло, не подкидывало ничего, кроме относительно приличных воспоминаний, из которых понять, что случилось, было невозможно.

– Еваника? – тихо, почти со священным ужасом в темных глазах пробормотал Данте, глядя на меня, как на привидение, и ожесточенно растирая виски.

– Нет, призрак твоей давно почившей бабушки, – буркнула я, кое-как слезая с кровати и начиная рыться в своей походной сумке, которую кто-то приволок в комнату. Ведь обязан там быть настой от похмелья, не может не быть!

– Что я наделал... – простонал аватар у меня за спиной, имея в виду не то поруганную честь королевы, не то собственное поведение. Я только вздохнула, шаря в недрах сумки в поисках вожаделенной бутылочки. Наконец шершавое стекло оказалось в моих пальцах и я, хлебнув настоя, прислушалась к себе. Головная боль уходила вместе с разбитым состоянием, на ее место возвращалась бодрость и неистребимый оптимизм, твердящий, что хуже может быть всегда. Может, однозначно может. На протрезвевшую голову я вспомнила заклинание диагностики физического состояния, а применив – успокоилась и одновременно огорчилась.

– Ничего ты не наделал, – ответила я, садясь на краешек кровати и протягивая Данте бутылочку с настоем. Тот, не задумываясь, сделал глоток, настороженно глядя мне в глаза. Я вздохнула и уточнила. – У нас ничего не было. Мы просто спали рядом. И всё.

– Может, и зря, – он осторожно погладил подушечкой большого пальца мою ладонь.

– Может. Только в таком случае, хотелось бы помнить все до мелочей, а не гадать, было, али нет, узнавая правду только с помощью магической проверки, – пожала плечами я, не торопясь убирать руку и скользя взглядом по его лицу. Оказавшись вдали от Андариона, где Данте приходилось быть Ведущим Крыла, не ставящего ничего превыше долга, он снова становился самим собой. Словно отпускала душу звериная тоска, и не нужно было больше прятаться за равнодушием стального шлема-маски.

– Ты же знаешь...

– Знаю.

Разговор без слов – только долгий взгляд душа в душу, теплое прикосновение его руки к моей, и рвущее на части ощущение свободы. Пусть недолгой – но принадлежащей только нам. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы дверь не отворилась, и на пороге не возникла Ревилиэль со стопкой чистой одежды.

– Ев, у тебя нигде не завалялось средство от... Ой. – Полуэльфийка так и замерла с приоткрытым от удивления ртом,

переводя взгляд с меня на Данте и обратно. – Ну, вы даете...

– Виль, ты за чем пришла? – осведомилась я, чувствуя, как щеки начинают гореть.

– У тебя зелья от похмелья нету? – со стоном поинтересовалась та, кладя стопку одежды на табуретку у резной двери и глядя на меня, как пресловутый страждущий. Я отобрала флакон с настоем буро-зеленого цвета и хотела было кинуть младшей княжне, но передумала. Не поймает ведь, а второго пузырька у меня может не оказаться, и вот тогда я услышу о себе много нового и интересного. Но вставать было лень, поэтому я попросту подняла стеклянную бутылочку взглядом и та, медленно пролетев через комнату, зависла перед Вилькиным лицом.

Та моментально цапнула лекарство и вымелась за дверь, успев сказать, что мое присутствие в процессе обрядования невесты в свадебное платье обязательно, и возражения не принимаются.

– По-моему, у нее окончательно крыша поехала от волнения, – задумчиво протянула я, щелчком пальцев переправляя принесенную Ревилиэлью одежду на краешек кровати. – Она даже мне лекцию о падении нравов не прочитала.

– Возможно, я покажусь тебе излишне циничным, но в данный момент я искренне сожалею, что ей не в чем нас упрекнуть.

Я обернулась. Аватар уже зашнуровал сапоги и поднялся. Откинул тонкие растрепанные прядки с загорелого лица,

подхватил куртку с пола, и только тогда посмотрел на меня. Тоска выглядывала из черных с серебристыми искрами глаз. Так смотрит волк снежной зимней ночью на бледную луну, заливающую снег мертвенно-бледным светом. Интересно, в моих глазах сейчас такая же пропасть, или мне лучше удастся это не показывать? Не думаю. Я уже в который раз пожалела, что не могу просто так отбросить от себя проклятый венец, который был мне не нужен, и уже не возвращаться в Андарион никогда.

Безумный, жгучий порыв, на миг охвативший меня всю.

Если я не буду перекидываться в айранита, то меня никто и никогда не найдет, пока я этого не захочу. Лес примет меня, как принимал всегда. Он укроет меня от ненужных взглядов, даст кров и стол. Будет защищать порывами ветра в листве, шумом вековых елей, волчьим воем и тропами лучших. Я навсегда останусь лесной ведуньей, той, которой была рождена. Уйду, как Алексей Вестников, в глухую чащобу, выстрою там дом и буду жить, не зная об интригах королевского двора в небесной стране.

Я смогу. Но вот Данте – вряд ли. Для него долг и честь – прежде всего. Он не сбежит от ответственности и постылой судьбы, как это только что хотела сделать я. Да и будет ли он относиться ко мне по-прежнему, зная, что я смалодушничала, бросила на произвол судьбы целое королевство, которое всецело мне доверяло, как дитя малое – матери? Нет, не будет. Предав Андарион своим побегом – кем я стану для него?

Пусть лучше всё остается так, как есть. Судьбе рано или поздно надоедает сложившийся расклад, и тогда одним небрежным мановением руки она смахивает карты со стола и начинает новую партию с прежними участниками. Надо только подождать. Я ведунья и здесь, в Серебряном Лесу, я впервые ощутила столь явственно, как ветер перемен расправляет над нами свои призрачные крылья, готовясь пронестись над нами подобно первой зимней буре. Перемены кого-то ломают, кого-то просто согнут, и хватит ли человеку сил вновь распрямиться, как упругой луговой траве – никто не знает, даже он сам. А кого-то ветер перемен закружит, унесет далеко-далеко, и уже там напишет ему новую судьбу на страницах великой Книги жизни.

Данте улыбнулся мне. Впервые за долгое время не вежливой, а искренней улыбкой, от которой веяло горечью, как от ковра опавших листьев, пропитанных дождем. А потом поклонился и ушел, так и не сказав ни слова на прощание. Да и зачем слова-то, если и так все понятно. Он тоже ничего не забыл, только ему, как и мне, слишком сложно будет вернуться в Андарион, если между нами что-то изменится здесь и сейчас.

Я только вздохнула, и принялась разворачивать одежду, принесенную Вильей. Сначала с недоумением, потом с возмущением обнаруживая, что это не что иное, как платье, в котором Вилья хочет меня видеть на своей свадьбе. И записка, вложенная между слоями нежно-голубого шелка – «Ев,

приходи в этом на церемонию хотя бы ради меня.». И приписка, от которой мое настроение значительно улучшилось – «Ты еще мое платье не видела».

Отлично, страдать – так вместе. Что ж, ради такого я, пожалуй, похожу денек в этом шедевре эльфийского творчества.

Не знала я еще, на что соглашаюсь...

* * *

Каюсь, увидев страдальческое выражение лица «счастливой» невесты, я с трудом удержалась, чтобы не захихикать максимально гнусно, но сдержалась, позволив себе лишь ухмылку. К счастью для меня, Вилька ее не заметила, поскольку была занята тем, что не давала окончательно превратить себя в выставку достижений мастеров Серебряного Леса. Видимо, ее папочка все-таки вспомнил, что он не кто иной, как принц, пусть и предпоследний в очереди на престол, и решил отгрохать разлюбезной дочурке свадьбу пороскошнее, чтобы распрощаться с ней раз и навсегда. Есть у эльфов такой занимательный обычай – выдавая дочерей замуж, родители целиком и полностью перекладывали ответственность за их грядущее благополучие на плечи мужей. Могли, конечно, и принять чужака в род, но такое редко случалось. Официально – не более десяти случаев, неофициально – в несколько раз больше.

– Я сказала, что не надо мне эти бубенчики, я не коза, чтобы с ними ходить! – рывкнула Вилья, отгоняя от себя дриаду, роскошная золотая коса которой спускалась едва ли не до колен и была толщиной с мою руку. Я обзавидовалась, честно. Чему я еще удивилась, так это понимающему выражению на красивом лице девушки, держащей в руках серебряную цепочку с крошечными колокольчиками. Похоже, та действительно понимала, каких усилий стоит Вильке вся эта предсвадебная суета. Ручаюсь – они с Ританом с большим удовольствием обвенчались бы максимально быстро, в дорожных одеждах, после чего новоиспеченный муж обратился бы в рубинового дракона и улетел неведомо куда с женой на спине. – Еваника!

– Да тут я, – улыбнулась я, подходя поближе и оглядывая снежно-белое с серебром платье подруги. – Тебе не кажется, что Ритану в первую брачную ночь будет проще порвать его на лоскуты, чем снять?

Дриада тихонько прыснула в кулачок, а Вилька тихо зарычала.

– Я что, не первая о таком спрашиваю?

– Честно говоря, каждый, кто сюда заходил в последние полчаса, первым делом интересовался именно этим, – произнесла златовласка. Голос – как мелодично журчащий весенний ручеек. Истинная дочь земли, не полукровка, как это нередко случается.

Росские леса все реже и реже рожают дриад из мате-

ринских деревьев, все чаще дриады продолжают свой род со смертными или же эльфами. Кто-то говорит, что это – один из признаков того, что земля начинает скудеть. Крестьяне говорят о приближающихся черных днях. А волхвы только неодобрительно качают головами, но пока хранят молчание. Слово волхва имеет ценность, и редко кто из них высказывает пустые предположения до того, как они будут проверены.

Лично я считаю, что это выбор самих дриад. Прошлым летом я высвободила заключенных в магическую ловушку дочерей земли, и, как мне показалось, они были очень недовольны тем, что им пришлось много лет безвылазно просидеть в древесных стволах. На память об этом на дне моей бездонной сумки до сих пор лежал витой корешок-амулет, назначение которого я до сих пор так и не поняла. По правде говоря, и проверить-то некогда было – королевские обязанности занимали все мысли.

– Ничего, Евочка, я посмотрю на тебя, когда ты замуж выходить будешь, – буркнула Ревилиэль, сражаясь с застежкой на груди и пытаясь сделать вырез платья чуть-чуть поскромнее, чтобы тщательно оберегаемые для мужа прелести не выскользнули на всеобщее обозрение.

– Сомневаюсь, что это будет скоро, но за пожелание спасибо, – фыркнула я, усаживая подругу на табуретку и принимаясь аккуратно расчесывать ее еще влажные после мытья волосы. Дриада, недолго думая, присоединилась ко мне, и теперь мы в четыре руки приводили гриву полуэльфийки

в подобающее торжественному случаю состояние.

– Поскольку невеста занята собой настолько, что позабыла об этикете, позволь представиться – Ланнан, дочь Древа, как ты уже, наверное, догадалась.

– Еваника Соловьева, – чуть склонила голову я, на миг замешкавшись с ответом, не зная, стоит ли сообщать о своей нечеловеческой природе. – Лесная ведунья.

– Оно и заметно, – Ланнан улыбнулась, ненавязчиво убирая мои руки от огненно-рыжих кудрей Вильки. – Позволь мне. У меня опыта больше.

Я только плечами пожала, присаживаясь рядом с подругой прямо на пол, ничуть не беспокоясь о чистоте подола. Не мое – не жалко, а если испачкаю – то будет повод сменить шикарное, но очень неудобное для меня платье на что-нибудь более уютное. И теплое – все же на дворе вторая декада листопада, и это лишь в Серебряном Лесу бабье лето неприлично надолго задержалось. Впрочем, здесь никогда не бывает по-настоящему холодно, календарные зимы здесь настолько мягкие, что можно ходить в легкой осенней куртке, а не прятаться под меховой шубой от мороза, как приходится делать в прилегающих к эльфийской территории областях. Не знаю, как Вилье, но мне не очень-то уютно в легком шелковом платье, когда в Андарионе я спасалась от холода под пуховой шалью и плотными накидками.

– Ты как? – негромко поинтересовалась я, беря подругу за руку. Та только тяжело вздохнула, глядя на меня зелеными

глазами, в которых разве что слезы не стояли.

– А что, не видно? Я последние полтора месяца в Серебряном Лесу торчу, и все потому, что Ритан додумался попросить моей руки не у деда, а у отца. Вот и растянули подготовку к свадьбе, как не знаю что. А ведь могли тянуть еще больше, но тут уже Ритан возмутился. Одна радость – с Ланнан познакомилась. Видела бы ты, как она из лука стреляет! Не хуже эльфов, а то и лучше. – Полуэльфийка поправила платье на груди, огладила густо вышитую серебром верхнюю юбку. – Может, ты сама о себе расскажешь?

– А тут и рассказывать нечего, – прощebetала дриада, сноровисто укладывая непослушные Вилькины кудри в шикарную прическу-водопад. – Мое материнское древо выпустило меня из своего чрева тридцать шесть весен назад, с тех пор я живу в Серебряном Лесу. Осенью я обычно возвращаюсь домой, в свое древо, но не в этом году. Этой осенью мое древо слишком рано уснуло, оно уже уронило последнюю листву и закрыло вход для своей дочери, потому я вынуждена зимовать вот так.

Вот уж точно – странно. Быть может, я и преувеличиваю, но Алексей Вестников частенько говорил, что мать-земля первой чувствует перемены. Когда равновесие сил в мире нарушается, земля первой предупреждает об этом. Зима приходит раньше обычного. Роняют листья вечнозеленые деревья, закрываются прибежища дриад, укрывая своих дочерей от невзгод. Наставник учил меня слушать лес, землю

и саму жизнь — ведь кому, как не ведунам охранять равновесие. Кому, как не нам, придется отвечать за последствия, если мы ошибемся и что-то пойдет не так.

Прошлым летом вырвалось на свободу из недр земли темное пламя, выпустив на волю своих созданий. Страшные, исковерканные злой силой огня существа, не щадившие ни себя, ни других. Поневоле вспомнился опальный принц Азраэл, оставшийся во власти темного пламени и едва не отправивший меня на тот свет на свидание к предкам. Если он до сих пор жив... если он всё еще несет в себе разрушительную силу земли... То кем он сейчас стал? Я не понаслышке знаю, как калечит и изменяет темное пламя. Его нужно постоянно подпитывать, и, если поначалу достаточно приходиться к Источнику раз или два в месяц, то с течением времени приходится пополнять силы всё чаще и чаще, иначе темный огонь выжжет своего владельца изнутри.

Прошло около полутора лет с тех пор, когда Азраэл скрылся из Андариона, за это время сила темного пламени должна была выесть его сущность, оставив искалеченную оболочку, но только если он не поселился рядом с Источником. Тогда... Да, в таком случае Азраэл не только живет всех живых, но и силы накопил столько — что лишь успевай разбрасывать излишки вокруг себя.

Мы с Аранвейном убили кучу времени, пытаясь разыскать Источник, но попадались только мелкие очаги, изредка прорывавшиеся на поверхность, и их уничтожение было

сравнимо с созданием запруд на мелких ручейках, исходящих из полноводной реки. Сам Источник темного пламени до сих пор горел где-то под землей, а одиночные очаги стали прорываться все чаще – то у подножия Гномьего Кряжа неподалеку от Серого Урочища, то в Химеровой пустоши, а то и на берегу Вельги-реки. Драконы пока успевали запечатывать очаги до того, как вокруг них образовывались «мертвые земли», но было очевидно, что вечно это продолжаться не может. Отыскать Источник с помощью магии не получалось – хребты Гномьего Кряжа искажали внутреннее око драконов, а моих сил было попросту недостаточно, чтобы «прочувствовать» гору изнутри.

Не праздничные у меня мысли, ой, не праздничные.

– Наша прекрасная невеста готова! – объявила Ланнан, отступая на шаг, чтобы Вилька наконец-то смогла встать с табурета и оглядеть себя в большом зеркале у стены. Кажется, довольной она не была, но я постаралась списать это на волнение перед самой свадьбой. Честно говоря, если бы замуж выходила я, то всё было бы намного сложнее. Вильку хотя бы не надо обвешивать блокирующими магию амулетами, чтобы невеста, не дай небеса, не сбежала со свадьбы, воспользовавшись банальным телепортом.

– Ева, все так плохо, как мне кажется, или еще хуже? – мрачно поинтересовалась Вилья, разглядывая себя в зеркале без особого энтузиазма.

– Что я слышу?! Виль, тебе не кажется, что подобный оп-

тимизм больше характерен для смертницы, а не для невесты, а? Слушай, кто из нас с тобой мерзкая ведьма?

– Ты. Не переживай, на твои лавры не претендую, – отмахнулась подруга, беря с низкого столика тщательно подобранный букетик серебристо-белых цветочков, похожих на колокольчики, и шагнула к двери. – Итак. Можете выдавать меня замуж, только побыстрее, пока я не передумала!

Мы с Ланнан только понимающе переглянулись, без лишних слов выходя за дверь вслед за невестой, а то и в самом деле передумает, и как ее тогда ловить?

* * *

У каждого народа свой свадебный обряд.

Орки попросту воруют приглянувшуюся женщину из клана в свою землянку, отдавая ее семье некое подобие выкупа после рождения первенца. Дриады, обручаясь с кем-то из смертных или эльфов, делают это по законам леса – с помощью магического договора, один раз и на всю жизнь. К сожалению, я так и не узнала о тонкостях свадебных обрядов ни у драконов, поскольку свадьбы у них случаются редко, раз в сотню-другую лет; ни у айранитов – потому, что хоть и звали королеву на свадебные торжества, но меня хватало лишь на то, чтобы официально благословить молодых, не вникая в сам процесс. Быть может, и зря. Но каждый раз, видя счастливую невесту в свадебном платье традиционного для Анда-

риона небесно-голубого цвета, я невольно представляла такое же на себе, после чего мне становилось уже не до праздника.

Люди из Росского княжества устраивают из брачного торжества целое представление – жених со сватами приходит во двор к невесте, буквально на каждом шагу отгадывая загадки братьев и сестер суженой и отдариваясь от них бусами и сладостями, мать и отец невесты тоже просто так в горнице не сидят, а предлагают выкупать ключ, дабы «горницу суженой отомкнуть». Невесту же тем временем прячут в дальней комнате или же за печью. И только после того, как жених переступит целым и невредимым порог дома, девушку выпускают к жениху. А уж сама свадьба – отдельная песня. Я не раз «оберегала» свадьбы в Стольном Граде – проходила практику в заговорах, как любил называть это дело Лексей Вестников. Самого его на свадьбы звали чаще, чем на жальники или же к больному, но волхв всякий раз отнекивался, после чего усмехался в седую бороду и отправлял на гулянку меня. Как же, без ведуна или знахаря-вежливец² свадьба – не свадьба. Кто еще отведет от молодых порчу, произнесет заговоры на крепкую семью, легкие роды и достаток в доме? Правда, зачастую на такие свадьбы под видом знахарей проникали мошенники, рассчитывавшие на халяву наесться и напиться от пуза, да еще и подарков огрести за свою общественно-полезную деятельность, но главное, чтобы была со-

² Вежливец – знахарь или колдун, оберегающий либо портящий свадьбу.

блюдена традиция. Подозреваю, что половина Стольна Града пережилась под «опекой» таких липовых колдунов, и ничего – стоит столица Роси и процветает помаленьку.

Эльфы же... Не приведи небеса когда-нибудь позариться на эльфийку, потому что человек имеет все шансы просто не дожить до торжественного момента! Поскольку эльфы – раса с продолжительностью жизни, сравнимой с драконьей, то и все церемонии, связанные с таким серьезным решением, как заключение брачного союза, донельзя растянуты по времени. Одна только помолвка может длиться несколько лет, а подготовка к свадьбе занимает от пары месяцев до года, и это в лучшем случае. Эльфы помешаны на мелочах, и к свадебному торжеству наряды и украшения делаются специально для брачующихся. Воздушные платья и шелковые туники покрываются тончайшей вышивкой, драгоценности больше напоминают заколдованные цветы и листья, нежели творения рук, а уж про то, что для молодой семьи обычно строится отдельный домик, и говорить не стоит. Эльфы не очень склонны к долгостроям, но для «брачного дома» могут и расстараться.

Дело в том, что «брачный дом» служит основой жилища для будущей семьи, именно к нему в дальнейшем пристраиваются дополнительные комнаты и хозяйственные помещения, в нем совершаются семейные обряды наречения именем, объявляют о помолвках, принимают в семью. «Брачный дом» становится семейным храмом, и, как всякий храм,

строят его с любовью и мастерством, стараясь соблюсти все традиции. Это каждый раз произведение зодческого искусства, и нет двух похожих «брачных домов».

К счастью для меня, Вилька с Ританом настолько не терпят долгие церемонии, что для них все подготавливалось с неслыханной для эльфов скоростью – всего полтора месяца на все про все. И слава небесам. Более длительной пытки ожиданием полуэльфийка могла бы не выдержать и действительно сбежать куда подальше от слишком обстоятельно подходящих к делу родственничков.

– Госпожа Ланнан! – из-за угла выбежал темноволосый мальчик лет тринадцати-четырнадцати, высокий, но худенький и немного нескладный.

У меня сердце на миг остановилось, пропуская удар.

Именно этот ребенок пригрезился мне, когда в груди у меня была сквозная рана от глефы Азраэла. Этот мальчик смотрел на меня карими глазами из какой-то библиотеки, и именно сейчас его появление ознаменовалось тупым уколом спящей во мне силы, полученной от регалий истинного короля.

– Госпожа Ланнан, госпожа Ревилиэль, – мальчик остановился, пытаясь отдышаться.

– Что такое, Ветер? Твой учитель прислал тебя? – поинтересовалась дриада, улыбаясь легко и непринужденно, но вместе с тем чуточку снисходительно.

– Нет-нет, просто меня попросили вас немного поторо-

пить. Гости уже собрались, все готово для церемонии, ждут только вас. – Ветер убрал вьющуюся прядку темно-русых волос с вспотевшего лба и выпрямился, глядя прямо на меня. Н-да, не то он высокий, не то я настолько низенькая – но пацан не догнал меня всего на полголовы, если не меньше, а вот взгляд у него уже как у взрослого. Взгляд ученика мага. Такой, как Ветер, может далеко пойти, если поставит перед собой Цель и найдет в себе силы для того, чтобы ее достичь.

– Ветер, поприветствуй Еванику Соловьеву, ближайшую подругу госпожи Ревилиэль. Советую тебе по возможности пообщаться с ней, ведь она уже является той, кем тебе еще только предстоит стать, – улыбнулась Ланнан, незаметно расправляя складки на юбке. Вилька только сильнее сжала пальцы на неповинном букете. Я же потянула подругу за собой по коридору, решив, что разговаривать можно и на ходу.

– Очень приятно, Ветер. А чей ты ученик?

– Далиэра, он входит в круг Двенадцати. А ты? – он сразу же перешел на простой выговор без велеречивости. Что ж, пусть я уже окончила обучение, а он еще нет – все равно, пока я не взяла себе первого ученика, мы с ним, можно сказать, на равных. Негласная традиция, бытующая среди магов.

– Меня обучал волхв Алексей Вестников, слышал о таком? Только я уже обучение закончила, теперь сама по себе, – улыбнулась я, сразу как-то ощутив себя в своей тарелке. Длинный подол шелкового платья уже не настолько отравлял жизнь, как поначалу, да и солнце, проникающее сквозь мо-

заичные стекла в коридоре, подняло настроение настолько, что захотелось улыбаться, а предстоящая церемония уже не казалась неприятной и вынужденной необходимостью.

Ветер завистливо вздохнул и уставился себе под ноги, а я только сейчас обратила внимание, что уши у него закругленные. Странное дело, обычно эльфийские маги людей к себе в ученики не берут. Тут нужен либо недюжинный талант, либо особые обстоятельства, но чаще всего и то, и другое сразу. Слышала я о Далиэре, когда лет шесть-семь назад приезжала я с наставником в Серебряный Лес. Он тогда только-только получил перстень мага-природника, и, насколько я поняла, Ветер у него первый ученик. Тогда дела совсем уж интересными становятся – кто этот пацан, да еще и явно полукровка, если его взял под свое крыло один из эльфийских магов? А какой наиболее верный способ узнать? Правильно.

– Ветер, а как ты попал к Далиэру? – ненавязчиво поинтересовалась я. Паренек нахмурился, но все же ответил, глядя в пол.

– Так и попал. Отец из торговых людей был, а мать – знахаркой, неплохой, как мне рассказывали. Сам-то я не помню, но мне эльфы сказали, что родителей убило молнией во время грозы, когда они уезжали из Серебряного Леса обратно в людские земли. Мне тогда всего четыре года было, но меня небесный огонь не тронул, обошла беда стороной. Эльфы меня приютили, потому что почувствовали во мне неплохие способности к воздушной магии, а поскольку имени моего

не знали, а сам я полгода после той грозы вообще не разговаривал, то назвали меня Ветром. Вроде как временное прозвище, но прижилось, и даже когда родное вспомнил – все равно Ветром остался. Как Далиэр объяснил – чтобы было, как полагается – одно имя тайное, одно общее. А ты у Лексея Вестникова как оказалась? Я ведь его помню, он очень интересно о подгорных духах и гномах рассказывал, в прошлом году к нам по весне приезжал.

Мальчишка выжидающе уставился на меня глазами, в которых нет-нет – да и проскакивала золотистая искорка, как в авантюрине. Красивые глаза и слишком необычные для человека. Видимо, те же самые дриады или эльфы в родовое древо затесались. А ведь придется рассказывать. Между учеником мага и лесной ведуньей, всего пару лет как покинувшей своего наставника, нет большой разницы. Пусть даже ученик – сирота на попечении эльфов, а ведунья – королева Андариона, путешествующая инкогнито.

– Ну, как все в обучение попадают, так и я попала. Лексей Вестников дал как-то по неосторожности клятву воспитать из меня волхва, когда принял меня за мальчика, а когда разглядел повнимательнее – уже обратного хода не было. – Я улыбнулась и развела руками. – Ну, волхв – не волхв, а ведунья вроде как неплохая получилась. А пару лет назад меня, можно сказать, отпустили на вольные хлеба.

– Выгнали, значит, – хитро улыбнулся Ветер. Ланнан довольно правдоподобно замаскировала смех за приступом

кашля, а Ревилиэль радостно хлопнула парня по плечу так, что тот едва не рухнул носом на гладкие доски пола. А ведь не потеряла еще сноровку, даром что в дружине княжеской состояла.

– Ев, а мне этот паренек уже нравится. Знаешь, если будет время – после свадьбы научу тебя кинжалом управляться. Или ножи метать.

– Это я и так умею, – гордо поднял Ветер подбородок, сморив взглядом полуэльфийку. Та только хмыкнула, а я улыбнулась.

– Мальчик, ты лучше не петушишься, Вилька-то несколько лет в княжеской дружине обучалась, и тебе, поверь, до нее еще ой как далеко. Она своего десятника на обе лопатки в рукопашном бою клала...

Договорить я не успела, поскольку увидела эльфа, идущего к нам навстречу размашистой и отнюдь не размеренной походкой. Увидела – и едва не приросла к месту, настолько он походил на Алину.

Несколько секунд я пыталась собрать расплзающиеся во все стороны мысли в одну кучу, но удалось мне это только после слов Вильи, из которых я поняла, что светловолосый эльф с яркими глазами цвета потемневшего от времени серебра – ее отец. Теперь понятно, в кого пошел Алин – это только на первый взгляд отец и сын казались на одно лицо, но, присмотревшись, можно было заметить различия. У Алины и глаза посветлее были, и не такие... старые, что ли.

Не могу объяснить этого ощущения, которое возникает у меня каждый раз, когда смотрю на молодое лицо с глазами, которые видели несколько веков, но именно это ощущение помогало мне различать возраст эльфов.

Отцу Алина и Вильи, судя по всему, было далеко за триста, но впервые встретившемуся с эльфами он мог показаться молодым. Такая иллюзия вечной молодости, но стоит взглянуть в глаза повнимательнее – и можно увидеть мудрость столетий. Я стараюсь избегать смотреть в глаза тысячелетним эльфам – всякий раз мне кажется, что заглядываю в черный колодец без дна, куда годы падают, словно камни, вызывая на поверхности лишь мимолетную рябь. Неприятное ощущение.

Странное дело, но таких «провалов» нет разве что в драконьих глазах. Драконы как-то умудряются плавно скользить сквозь годы, не позволяя грузу воспоминаний отягощать свою душу. Поэтому с Аранвейном, драконьим царем, который помнил еще Таль Синюю Птицу, я чувствовала себя уютно, не ощущая, что его мудрость, накопленная за бесконечно долгие годы, давит на меня непосильным грузом. Со старыми эльфами так не получалось. Быть может, все дело в том, что драконы – первая раса в этом мире, сколько бы эльфы не твердили про свою Перворожденность, и поэтому на остальных они смотрят не с гордыней, а как на детей малых, не принижая без надобности и не подавляя жизненным опытом. Зачем, спрашивается? Дети могут вырасти только

тогда, когда им позволить расти, а не выталкивать на нужный путь. Эльфы, похоже, еще не научились такому отношению, предпочитая высокомерие и гордость. Что ж, для драконов и они – дети. Пусть старшие, но все же – дети...

– Ревилиэль, я понимаю, что невесте свойственно опаздывать. Но всё же стоит знать меру, – эльф взял Вильку под руку, та на миг напряглась, но потом все же решила не портить себе праздник мелочным скандалом, чай не впервой разыгрывать из себя любящую дочь, и спокойно, с достоинством пошла рядом с отцом.

– Отец, я хочу тебе наконец-то представить Еванику Соловьеву, мою лучшую подругу. Ева, это мой отец, Кирэлин. – Я вяло улыбнулась, Вилькин отец ответил тем же. Ну да, всякий раз, когда требовалось провести очередное семейное торжество в Стольном Граде, заманить меня туда не было никакой возможности. Честно говоря, Вилька и сама не присутствовала бы, если б могла. Но в четырнадцать лет становится поперек воли сурового деда ей было несподручно, меня же никто не неволил. Более того, наставник, понимая мое нежелание участвовать в этом спектакле, загружал меня отработкой заклинаний или же просил помочь в сборе трав и сортировке «гербария». И по правде сказать, перебирать целебные «веники» мне нравилось намного больше, нежели участвовать в княжеском празднике, стоя за спиной младшей княжны в густо расшитом шелком и речным жемчугом сарафане. Но это было давно. А сейчас я королева Андари-

она, пусть даже здесь я нахожусь неофициально, и это уже позволяет мне быть чуточку более прямолинейной. А положение ведуньи на свободных хлебах – наплевать на дипломатию.

– Не могу сказать, что мне очень приятно, но формальности соблюсти надо, – ровно ответила я, кивая Кирэлину с достоинством королевы – Хэли уже совсем отчаялась, пытаюсь научить меня этикету так, чтобы он не забывался даже в экстремальных ситуациях. Поздно – про этикет я вспоминала только на приемах или во время официальных мероприятий, но стоило мне только уйти подальше от глаз подданных – все, как была ведуньей, так ею и осталась. Разве что в последнее время, вместе с приходом осени, я начала забывать о том, кем я была, будто бы маска ровного спокойствия прирастала к лицу...

Вилькин отец посмотрел на меня, как сытая мышь на заплесневелый огрызок сыра – «Что? И мне эту гадость съесть надо?!» – но промолчал, а я запоздало вспомнила, что Кирэлин из королевского рода. Н-да, с одной стороны, коронованная правительница стоит выше по иерархии знати, чем некоронованный младший принц, шестой или седьмой в очереди на трон, но с другой – ведунья, почти хамящая в лицо эльфийскому принцу...

Короче, как раз оно самое, чтобы поддерживать репутацию диковатой девчонки, выросшей в лесу неподалеку от Стольна Града, тем более что это всё равно ненадолго.

Пышно украшенный цветами коридор вел к распахнутым двустворчатым дверям, от порога которых начиналась мраморная дорожка, петлявшая между яркими кустарниками куда-то вглубь невероятно красивого и ухоженного сада. Я ступила на бело-розовые мраморные плитки следом за Вильмой – и почти сразу застыла в восхищенном оцепенении.

Далеко не все дома в Серебряном Лесу были построены на деревьях, но у тех, что строились на земле, был свой потаенный сад, маленькая священная роща для каждого рода. В этом саду заключали браки и оставляли мертвых на ночь, чтобы душе было легче подняться к звездам, а до того – успеть попрощаться с тем, что было дорого при жизни. В такие потаенные сады приходили эльфийки рожать детей, здесь происходило посвящение в воины, чародеи или мастера искусства. Здесь росли редкие целебные травы, найти которые можно было далеко не в каждом лесу. Мало кто из людей знал о том, что такие сады вообще существуют, еще меньше – побывали в них. Лексей Вестников был в подобном саду, о чем потом рассказывал с невиданным энтузиазмом. Еще бы – столько редких растений, далеко в лес ходить не надо – все под рукой. Ладно, почти все, но и это уже немало.

Я украдкой оглянулась, пока Кирэлин вел нас к белоснежной беседке, увитой какими-то мелкими ярко-алыми цветочками, и почти сразу же заметила неподалеку от выложенной мраморными плитками дорожки желтые листики «драконьего глаза». Н-да-а-а-а, вот теперь я понимаю наставника.

Но еще больше я изумилась, когда внимательнее присмотрелась к красным с оранжевой сердцевиной цветам на растении, обвившем беседку, у которой уже стоял Аранвейн в серебристых одеждах, Ритан с вымученной улыбкой отчаянно храбrivшегося человека и еще с полдесятка эльфов.

Честное слово, увидев «царь-цвет», как прозывали в народе огненный цветок, я едва столбом не встала. Растение, лекарство из которого может залечить почти любую рану, пока человек дышит, легендарная «живая вода». Очень редкое и безумно дорогое, за один алый лепесток, который светится ночью тусклым золотистым светом, в Стольном Граде отвалят полный кошель золотых гривен и сочтут, что дешево сторговались. К сожалению, вытяжка из лепестков «царь-цвета» не продлевала молодость и не снимала проклятий, но уже того, что вылечить могла любую болезнь и в кратчайшие сроки затянуть рану, нанесенную оружием, даже зачарованным, хватало за глаза... А тут – целая беседка увита огнецветом, и эльфам хоть бы хны.

Кажется, прикладное траволечение на недолгий срок заинтересовало меня несколько сильнее, чем предстоящий процесс «окольцовывания» лучшей подруги с драконом-оборотнем, настолько, что Ланнан незаметно подтолкнула меня в спину, отвлекая от идеи составить прошение эльфам на право экспроприировать из потаенного сада хотя бы один бутон огнецвета «в чисто научных целях». Я растерянно улыбнулась дриаде, но та лишь подмигнула, и глаза-

ми указала мне на беседку, по ступенькам которой медленно поднималась Ревилиэль.

Я восхищенно вздохнула – честно говоря, никогда не видела подругу такой красивой, хоть и знаю ее больше десяти лет. Нет, не только красивой. Счастливой. Не знаю, будут ли так сиять глаза у меня, когда я буду выходить замуж, или же в них останутся лишь отблески ведьминого пламени. Невеста красива не платьем, и не украшениями, а выражением глаз. Ликующее счастье даже простужку сделает прекрасней эльфийки, а тоска превратит красавицу в унылую статую.

Пусть. Неважно то, как это бывает с кем-то. Важно, как робко сейчас улыбалась Вилья, вкладывая изящную руку в шелковой перчатке, скрывавшей огрубевшую кожу и вросшие мозоли от рукояти меча, в ладонь Ритана, дракона-оборотня, Стража Алатырской горы, который, как мне кажется, волновался сейчас сильнее, чем когда мы с ним летели на войну в осаждаемый Андарион. Ветер выскочил у меня из-за спины, наступив на шлейф моего платья, споткнулся и едва не упал, нарушая спокойствие бракосочетания, но я вовремя успела «подхватить» его левитацией и поставить в вертикальное положение. Он благодарно улыбнулся, и к беседке уже подходил степенно, с достоинством протягивая эльфийскому магу, совершающему обряд, два широких серебряных браслета в раскрытой шкатулке. Отсюда мне было не разглядеть узор, но издалека браслеты напоминали изящные стебельки весенних полевых цветов, которые поначалу сплели

в кольцо, а потом обратили в серебро неведомым мне волшебством. Даже немного не верилось, что такую изысканную красоту можно было создать из простого серебра без применения магии – а ведь именно так оно и было, ведь эльфийские ювелиры почти никогда не пользуются волшебством при создании своих шедевров.

Маг, проводящий обряд бракосочетания, взял браслеты и положил их на мраморный алтарь, густо оплетенный неизвестным мне растением, похожим на плющ – вот только у плюща не бывает снежно-белых с легким голубоватым оттенком пышных цветов. На секунду мне показалось, что цветы согласно кивнули венчиками, и тотчас наваждение схлынуло, а по спине у меня пригоршней муравьев прокатились мурашки. В груди что-то заныло, будто загудела туго натянутая струна, а потом над алтарем за клубилась магия. Не эльфийская и не стихийная – нечто сродни природной магии дриад, которую я могла ощутить, но даже и не пыталась понять, тем более – управлять ей. Слишком «не мое», слишком она... непредсказуемая, что ли. Хотя, как иногда кажется – что может быть более непредсказуемым, чем огонь, который может обогреть холодной зимней ночью или испечь хлеб, ласковый и родной, пока находится в очаге или печи... Но как же страшны лесные пожары или горящий дом!

Я скорее почувствовала, чем услышала, что за спиной у меня кто-то стоит, а когда сильные пальцы легонько коснулись моего плеча, уже знала, кто именно. Ну конечно, Данте

костью ляжет, но всеми правдами и неправдами проберется ко мне, чтобы доставить королеву домой в целостности и сохранности. Хотя не сомневаюсь, что Вилья и его лично пригласила. Знала, что мне будет приятней... и спокойней, наверное.

За всеми этими размышлениями я чуть было не пропустила момент обручения, то есть брачующиеся уже обменивались браслетами в наступившей тишине и отпивали по глотку из ритуальной чаши. Ритан, едва заслышав команду жреца, моментально воспользовался правом новоиспеченного мужа, привлекая к себе Вильку для традиционного поцелуя к вящей радости всех присутствующих. Я же мельком подумала, что если бы Вилька с Ританом женились не в Серебряном Лесу, а в Алатырской горе или Стольном Граде, то реакция окружающих была бы куда более бурная. А тут – только сдержанные улыбки на лицах эльфов.

Надо будет «переиграть» свадьбу где-нибудь на нейтральной территории, да боюсь, что Ритан с Вилькой не согласятся. Ну ничего, позвать в гости я их всегда успею, а Снежный дворец, по слухам, и не такие пьянки-гулянки выдерживал. Что там пьянки – его два драконьих «нашествия» разрушить не смогли, не думаю, что нашей не слишком трезвой компании это удастся.

Тонкий лучик солнца пробился сквозь зеленый лиственный шатер, ложась на ярко-рыжие волосы полуэльфийки золотой короной. Вот кому надо было бы стать королевой, да

только Ревилиэль ни за что не согласится, она с младенчества еще поняла, что за болото на самом деле – эта королевская власть, подводных камней у которой больше, чем в стремительной горной реке. Мне еще повезло, что у айранитов не было привычки плести мелкие интриги при дворе и строить козни своему ближнему. Зато уж если случится заговор – то сразу всеобъемлющий и неожиданный, как снег в червене³.

Я хлопнула в ладоши, и тотчас надо мной взвились в воздух призрачные солнечные жар-птицы, раскрывшие над головами Ритана и Вильи широкие, сверкающие огненные крылья. Священный символ нового союза, охрани их счастье волшебным огнем, не опаляющим, но греющим протянутые к нему руки. Просто будьте счастливы. Я знаю, что вы будете жить и тогда, когда обо мне уже позабудут, ведь что драконы, что эльфы живут намного дольше айранитов. Аранвейн помнил мою прародительницу, запомнит и меня. И надеюсь, что память эта будет хорошей.

Иллюзия продержалась еще несколько секунд, а потом осыпалась яркими золотыми искрами на молодоженов, спускающихся рука об руку по низким ступенькам с алтаря. Раскрасневшаяся Вилька крепко держалась за новоиспеченного мужа, словно боялась, что он обернется в дракона и смоемся в неизвестном направлении. Ну, насколько я знала Ритана – смоемся непременно, но только с Вилькой на спине, и никак

³ Червень – второй летний месяц (росск)

иначе, поскольку драконы – редкие однолюбы, раз уже избрали себе пару, тем паче – заключили брак, то это, скорее всего, действительно навсегда.

– Вилька, поздравляю!! – Я радостно обняла подругу изо всех сил, и полуэльфийка, сдавленно пискнув, наконец-то вышла из ступора. По-моему, такого сумасшедшего счастья у нас не было с тех пор, когда мы избавили младшую княжну от замужества с южным правителем, уже пожилым мужчиной лет сорока с солидным брюшком и тремя десятками наложниц в качестве бесплатного приложения.

– Я думала, мы это лет на двадцать затынем, – всхлипнула Вилья, обнимая меня за плечи.

– Ошибаешься, скажи спасибо, что не на все двести, – хмыкнула я. – Драконы, они такие...

– Ева, не позорь меня перед женой, – укоризненно покачал головой Ритан, преувеличенно сокрушенно вздыхая. – Вот и доверяй после этого младшим народам.

– Ритан, я ведь сейчас не посмотрю, что ты у нас дракон и муж моей лучшей подруги – дам в глаз из лучших побуждений во имя поддержания древнейшей русской традиции, – широко улыбнулась я, легонько хлопая Стража Алатырской горы по плечу.

– И что за традиция, многоуважаемая ведунья?

– Мордобой. Что ж за свадьба без драки?

Повеяло гарью, и запах этот, с трудом пробивавшийся сквозь аромат цветов, не сразу меня насторожил.

У меня талант накаркать беду даже на свадьбу лучшей подруги.

Потому что никто из присутствующих не ожидал, что в священном саду Серебряного Леса появятся Измененные темным пламенем...

Глава 3

Я стояла, сжав кулаки до боли, и молча наблюдала за тем, как эльфы спешно перекладывают смертельно бледную Вилюю, на лице которой сквозь кожу уже проступала черная паутина проклятья, на нечто вроде ложа, сплетенного из живых стеблей огнецвета. Как Кирэлин, не тратя лишнего времени на то, чтобы отереть кровь, стекающую из глубокого пореза на лбу, что-то шепчет над «ложем», отчего алые цветы вздрагивают и наливаются мягким золотистым сиянием, а гибкие лозы оживают, опутывая младшую княжну живой сетью. Изумрудные листья поначалу желтеют и осыпаются – но к Кирэлину присоединяется Ланнан, а потом за руку ее берет еще один эльф-целитель – и вот лозы перестают иссыхать на глазах, а чернота смертельного проклятья, снять которое может только гибель наложившего ее колдуна, перестает расплываться уродливым гниlostным пятном по щеке полуэльфийки, бледнеет и уходит куда-то вглубь. Словно чудовище, скользнувшее на дно омута.

На мое плечо опускается чья-то ладонь, сжимается и резко встряхивает. Так, что я наконец-то перестаю с ненавистью сверлить одну только мне заметную точку в пространстве и оборачиваюсь назад. Волосы, криво срезанные с правой стороны крутящимся диском с бритвенно-острым краем, занавешивают лицо. Постепенно мир теряет невероят-

ную четкость красок, а звуки перестают восприниматься как через густой туман. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, стряхивая с себя оцепенение и заставив себя сфокусировать взгляд на Данте, чья жесткая ладонь и лежала на моем плече. Мимоходом отметила, что он почти не пострадал. Несмотря на то, что шелк рубашки погублен безвозвратно пролившейся на него кровью Измененных, сам аватар отделался несколькими неглубокими царапинами от когтей.

– Ложе из огнецвета задержит проклятие, но исцелить от него не в силах, – тихо обронил Кирэлин, поднимаясь с колен и глядя на бледное, но уже не напоминающее восковую маску, лицо Ревилиэль. – Пока моя дочь будет находиться здесь, ей ничто не грозит. Но стоит нам только высвободить ее из объятий Животворной Лозы, как колдовство вновь наберет силу.

– Сколько у нас времени? – негромко спросил Ритан, кончиками пальцев касаясь обручального браслета. Честно говоря, я радовалась, что растрепавшиеся во время короткой схватки волосы закрывают его лицо – страшно до первобытного ужаса увидеть дракона в состоянии не просто неудержимой ярости – жгучей ненависти к тому, кто исподтишка, прикрываясь пышным кустарником, бросил ему в спину смертоносным проклятием, а попал в Вильку. Сомневаюсь, что я рискнула бы подойти и заговорить с Ританом сейчас. Вообще мало кто рискнул бы по своему желанию – разве что Аранвейн.

– Пока существует Животворная Лоза. А это значит – пока существует Серебряный Лес. Вечность. Ну, быть может, чуть меньше.

Ритан только зло усмехнулся. Я вздрогнула и перевела взгляд на мальчишку, сидевшего у подножия раскидистого дерева, не пострадавшего от схватки. Ветер лишился своего наставника – маг-эльф стал первой жертвой нападения. Успел оттолкнуть паренька в сторону, но сам попался. Не знаю, что за заклинания используют волхвы Темного Пламени, но миниатюрные вращающиеся диски, разрезающие почти все на своем пути и пропадающие невесть куда по команде управляющего ими мага, оказались серьезной проблемой. Они появлялись из ниоткуда, возникали за спиной или под ногами, и пока Аранвейн не спалил колдуна, умудрившись не затронуть ни единый листик на кусте, за которым тот прятался, толком сражаться не получалось. Измененные нападали, не останавливаясь ни перед чем, получали раны, но все равно атаковали, когда какое-то заклинание сетью опутало Ветра и едва не утащило в портал. Как я успела «дотянуться» магией до мальчишки, выдергивая его из заклятия – одним небесам известно...

И если бы маг, которого я успела лишь «попробовать на вкус» – ощутить его магию, в последний момент не проскользнул в щель смыкающегося Ританова щита, то он не ушел бы с эльфийской территории. Вот только напоследок он мстительно плюнул проклятием такого рода, что его хва-

тило бы и на дракона, в тот момент сосредоточенного на постройке щита...

Я не успела остановить Вилью...

– Ритан, мы найдем его. – Окликнула дракона я. Голос свой я не узнала. – Я запомнила его магию, я узнаю его под любой маской. Почувствую...

– Не «мы», а я. – Он повернул голову, и на меня глянули ледяные змеиные глаза. Шлифованный изумруд с узкой трещиной зрачка. Я осеклась, а Ритан наклонился к Вилье, погладил по рыжим, разом будто бы выцветшим волосам, что-то шепнул. Выпрямился и уверенно зашагал куда-то по узкой тропинке, скрываясь за деревьями. Зачем – я поняла через полминуты, когда над лесом раздался рев, от которого мне захотелось упасть ничком и зажать ладонями уши, а в небе пронесся рубиновый дракон.

– И куда он? – растерянно пробормотала я, глядя в небо.

– Искать. – Аранвейн подошел к нам, даже не пытаясь хотя бы пригладить вставшие дыбом волосы. – Он тоже его запомнил.

– А почему полетел один? Или это принцип такой? – поинтересовался Данте, все еще не вернувшийся в человеческую форму. Порыв ветра, пошевеливший макушки деревьев, подхватил черное с синим отливом перо, лежавшее на траве рядом с десятком-другим точно таких же, и опустил недалеко от моих ног. Я машинально провела ладонью по волосам, криво срезанным диском-лезвием, и как-то от-

страненно подумала, что придется опять ходить с короткой стрижкой.

– Принцип. Драконы живут и сражаются вместе, но мстят поодиночке. Потому что месть – это дело слишком личное, чтобы втягивать в него кого-то еще.

– Угу. Благородные, – я сделала короткую паузу. – Идиоты.

– Не тебе судить, королева! – неожиданно рявкнул на меня Аранвейн. Справедливо, в общем-то. Но согласиться с ним я все равно не могла.

– Значит, он пойдет своим путем, а я – своим. Я знаю Вильку подольше, чем он, и мне тоже тяжело. Мерзко от того, что с ней сделали. И во что она могла бы превратиться, если бы эльфы не дотасили ее до своих Животворных Лоз. И если Ритан собирается искать этого мага по принципу «поди туда, не знаю куда», то я пойду отдельно.

– И куда же ты пойдешь, поведай, о мудрейшая? – язвительно поинтересовался дракон, явно устав от моего упрямства.

– К тому, кто заведомо меня умнее. И кто наверняка знает, где могут обитать волхвы, черпающие злую силу земли. К Лексею Вестникову.

– Будешь смеяться, но в этот раз я с тобой согласен, – Аранвейн принялся брезгливо оттирать с руки темную кровь одного из Измененных пышным рукавом праздничного одеяния. – Я не уверен, но мне кажется, что где-то неподале-

ку от Серебряного Леса вскрылся еще один очаг темного пламени, иначе эти волхвы-недоучки не прошли бы через местные охранные шлейфы. Без дополнительной подпитки их сил хватило бы ровно на то, чтобы тут появиться, но никак не колдовать. И уж тем более не призывать своих уродцев.

– Получается, что теперь очаги вскрываются уже и за Вельгой-рекой? – пробормотала я, рассматривая то, во что превратились рукава моего платья после огненных заклятий. Вранье это все, что маги могут спокойно колдовать в мантиях с рукавами до пола – одно неловкое движение, и есть неплохой шанс подпалить самого себя на смех окружающим и радость врагам.

– Получается, что так. Значит, вода не преграда темному пламени.

– Или же Источник находится слишком глубоко под землей. – Я посмотрела на дракона. – Аранвейн, надо продолжать поиски. Я уверена, что наставник не откажет в помощи, он сможет сделать то, что не получилось у нас. По крайней мере, у него наверняка получится ограничить место, где следует искать.

Аранвейн только устало вздохнул и погладил меня по голове почти отеческим жестом.

– Еваника, я это все прекрасно понимаю. Как и то, что настал момент, когда драконы уже не могут оберегать горы самостоятельно. И решать проблему путем запечатывания

прорвавшихся нарывов на теле земли, мы тоже уже не можем. Как и обыскивать Гномий Кряж изнутри – пещер, сама знаешь, там тысячи. Жизни не хватит, даже драконьей. Мы будем рады любой помощи. А заодно присмотрим и за твоим Андарионом, пока ты в отъезде. Что-то мне подсказывает, что найдем мага, проклявшего Ревилиэль – найдем и Источник.

Вот уж точно, проблема на проблеме. В Алатырскую гору так легко уже никто проникнуть не сможет, но, как выяснилось, Серебряный Лес от таких набегов не застрахован. И немудрено – всё эльфийское государство стоит на магии земли, ею же и охраняется. А у земли не бывает правильной и неправильной силы – есть жизнь и смерть, как естественные ее спутники. Для магии природы смерть – это такой же естественный процесс, как и зарождение жизни. Увядание не менее правильно, чем цветение. И темная сила земли – не что иное, как сконцентрированное увядание. Тлен. Сила, которая разрушает, и ничего не может создать – только изменить.

Я посмотрела на съездившегося у дерева мальчишку. Маги-недоучки – это рискованно, раз ощутив в себе магию, уже невозможно от нее отказаться, это как заставить себя не ходить, а ползать, как будто у тебя нет ног. Невозможно не пользоваться этим, не выяснять собственные границы силы, а без опытного наставника можно таких дров наломать, что волхвы потом за голову хвататься будут. Сама я не могла

стать его наставником, поскольку нельзя быть и учителем, и королевой – слишком много времени и сил отнимает и то, и другое, к тому же, у меня еще не тот возраст, чтобы я могла брать себе ученика. Но вот Алексей Вестников – может. Или хотя бы подскажет, к кому можно пристроить одаренного мальчишку, чтобы тот своими самостоятельными экспериментами не довел княжество Русское до катастрофы. Как я поняла, эльфы с Ветром возиться больше не будут, но их соображения я понять не могу, это заморочки почище, чем у айранитов. Единственные, кто переплевывает эльфов по части самокопания и нестандартных решений – это драконы, но им по первородству полагается.

– Ветер, – окликнула я мальчишку. Тот медленно поднял голову и тоскливо посмотрел на меня, явно желая, чтобы его все оставили в покое. Нет уж, и не надейся. Оставлять в покое будем потом, когда все более-менее уладится. – Собирайся. Я отвезу тебя к Алексею Вестникову.

– Зачем? – с подозрением поинтересовался он, тем не менее, переставая строить из себя обиженного жизнью ребенка. На его щеке запеклась кровь Далиэра, и мне показалось, что взгляд четырнадцатилетнего мальчишки как-то сразу постарел. Ведуны взрослеют рано, наша магия зачастую лишает нас детства, потому что приходится учиться контролировать свой дар, чтобы не навредить окружающему миру. Ветру, быть может, было несколько легче, чем мне – все-таки стихия воздуха менее своенравна, чем огненная, и ненаро-

ком вызванный вихрь не приносит столько же неприятностей, как неожиданно сорвавшийся с пальцев комок огня – но, тем не менее, ведуны перестают быть детьми в тот момент, когда у них пробуждается дар. Или же когда они сталкиваются со смертью.

– Я попрошу его взять тебя в ученики или же подсказать, к кому можно будет отправить тебя на обучение. Полагаю, что тебе не хуже меня известно, какие проблемы грозят ведунам-недоучкам.

Он только кивнул и медленно направился в сторону жилых построек. Потом, когда будет укладывать вещи, он выплачется, но так, чтобы этого никто не видел. А когда наконец-то выйдет из дома, то оставит за спиной свое прошлое, которое в дальнейшем уже не вызовет у него горя, но навсегда оставит след в душе.

– Еваника, – меня окликнула Ланнан, уже вернувшаяся в человеческий облик. Я смотрела в ее зеленые глаза, и мне, честно говоря, не верилось, что всего с полчаса назад эта красивая девушка напоминала собой стройный древесный ствол, корни которого уходили глубоко в землю, взывая к силам породившей ее стихии. Дриада во время ритуала Взывания – зрелище не для слабонервных. С другой стороны, в первый раз всё кажется страшным только потому, что необычно. Когда я впервые повстречалась с Данте в ипостаси айранита, я перепугалась до полуобморочного состояния, а сейчас мне кажется, что нет ничего прекраснее, чем чер-

нокрытый аватар, скользящий в небе. Все течет, всё изменяется, да и я сама уже не была той ведуньей, покинувший дом наставника почти три года назад. – Дозволь мне сопровождать тебя.

– С ума сошла? – устало поинтересовалась я. – Тебе приключений на свою голову захотелось?

– Отнюдь, – дриада подошла ближе, держа в руках наполовину оторванный подол некогда шикарного платья. Я усмехнулась – сама я выглядела немногим лучше, если не сказать – хуже. – Материнские древа так просто не засыпают, равновесие уже нарушено, и кому, как не тебе, это знать. Прислушайся к ветру, ведунья, если можешь разбирать в его напевах предостережения. Преклони колени и коснись руками матери-земли, быть может, она откликнется тебе, блюдущей закон магии. Или же в воде из лесного ручья тебе почудится соленый привкус уже пролитой крови.

– Моя стихия – огонь, – нетерпеливо перебила ее я, подбирая разодранную в клочья юбку и в последний раз оглядываясь на спящую в гнезде из Животворных Лоз полуэльфийку. Я верю, что она нас дождется. Просто не может не дожждаться. Наверное, даже лучше, если мы с Ританом пойдем разными дорогами – если кто-то из нас не справится, то другой доведет дело до конца. Потому что иначе – никак.

– Тогда обратись к огню, ведунья. – Дриада чуть склонила голову, вглядываясь в мои глаза так, словно пытаясь увидеть что-то в душе. – Загляни в переплетение его лепестков, и

пусть он тебе подскажет, что стало не так в этом мире, где в Равновесии наметился излом.

Мне не нужно смотреть в огонь, чтобы понять, что пора в дорогу. Я редко когда могла оставаться в стороне, судьба предоставляла слишком маленькие шансы не вмешиваться, но сейчас я почему-то ощущала, что стоит лишь качнуть головой, раскрыть полночно-синие крылья, улететь в Андарион и никто не осудит королеву, не пожелавшую оставить своих подданных. Но сама стихия отвернется от ведуньи, оставшейся в стороне. Мы не даем клятв при вхождении в силу, но у людской магии свои законы.

– Через час отправимся. Тебе хватит времени? – поинтересовалась я у дриады. Та только улыбнулась.

– Хватит даже на то, чтобы привести твою шевелюру в порядок.

Я только пожала плечами, уходя из тайного эльфийского сада, где на ложе из переплетенных ветвей крепко спала Ревилиэль...

* * *

Заходящие лучи солнца позолотили разноцветные кроны деревьев на границе эльфийского королевства. Выложенная розоватым мрамором широкая дорога ложилась под копыта серебристо-серых лошадей, как шелковая лента. Так гладко, что я, никогда особо не любившая верховые поездки,

не испытывала никаких неудобств. Чем ближе становились людские земли, тем яростней и холодней делался встречный ветер, треплющий коротко стриженные волосы и забиравшийся под куртку. Если бы Аранвейн срочно не улетел к Алатырской горе, то мы оказались в Росском княжестве через полчаса, а так пришлось добираться на временно одолженных у эльфов скакунах. Как меня уверял Вилькин отец, из конюшни которого и были эти серебристые красавцы, дорогу домой они найдут сами, как только мы отпустим их в людских землях, а уж покладистые какие...

Мой жеребец вдруг взбрыкнул, опровергая слова Кирэли-на насчет покладистости, да так, что я едва не свалилась на дорогу.

– Хоть ты и эльфийский конь, но все равно скотина! – озлилась я, сжимая лошадиные бока коленями и стараясь выровняться быстрее, чем эта сволочь повторит свой финт.

– Лошадей любить надо, а не бояться. – Я обернулась на голос дриады, которая и без седла восседала на эльфийской кобыле, как влитая.

– Бесполезно, любовь к лошадям привить мне так и не удалось, – хмыкнула я, оглядываясь на Ветра.

Мальчишка ехал в самом хвосте, мрачный и нелюдимый. Отвечал, когда о чем-то спрашивали, но сам разговоров не заводил, замкнувшись в себе. Н-да, случай тяжелый. Надеюсь, что хоть на стоянке разговорить сумею. А не я – так наставник. Вот уж у кого дар не только тела, но и души исце-

лять. Лексей Вестников мог вернуть тягу к жизни даже самым отчаявшимся, обожженным потерей душам. Иногда к нему приходили за советом, иногда он куда-то шел сам – просто по велению сердца. И приходил туда, куда следовало. К матери, потерявшей единственное дитя, к вдове, оставшейся без любимого мужа. К ребенку, лишившемуся родителей. Он находил такие слова, которые не мог найти больше никто...

– Зимой пахнет, – вдруг неожиданно произнесла дриада, откидывая назад длинную золотистую косу, в которой будто бы запутались блики заходящего солнца. Данте, ехавший впереди, оглянулся и окинул Ланнан оценивающим взглядом. Та лишь улыбнулась еще шире, и мне почудилось, будто бы в зелени ее глаз блеснули искры, похожие на болотные огни. Сердце кольнуло болезненной иголкой ревности, кольнуло – и отпустило. Не имею я права быть пресловутой собакой на сене, ведь даже у аватаров есть право на любовь...

Но только не к своей королеве.

– Значит, завтра будет совсем холодно, – согласился Данте, оглядываясь вокруг. – В Росском княжестве может и снег уже лежать, это здесь непонятно, не то осень, не то зима.

– Спрашивается, а чего ты ждал от благословенного эльфийского края, – фыркнула я, пуская коня вскачь. Ночевать, конечно, лучше еще в Серебряном Лесу, а уж завтра поутру углубляться в российские земли.

Самый короткий путь отсюда до Стольного Града – это мимо города Ижена через Марову Лещину, а это означает,

что придется пробираться через разросшийся до неприличия орешник, и хорошо, если не вывернем к болотам, которых в тех местах видимо-невидимо. В Маровой Лещине топи не замерзают даже в самую жестокую зиму, поэтому пробираться через них после того, как на землю ляжет снег – это чистое самоубийство. Даже местные жители зимой без особой надобности стараются не соваться на Болотную Окраину – ходят слухи, что топи там изменчивые. То есть вешки, наставленные по весне, к холодам смещаются, и приходится заново разведывать безопасные тропы. Местные говорят, что это болотницы перед спячкой развлекаются, ведуны на этот счет молчат, не подтверждая народное поверье, но и не опровергая его. Подозреваю, что все дело в том, что никому из уважающих себя магов не пришло еще в голову изучать причуды болот весной или осенью, когда от грязи и сырости не спасает даже дриадская обувь. Да и летом на болотах поднимается ядовитая хмарь и летают здоровущие комары, от которых не спасают ни плотная одежда, ни заклинания. И ладно бы, если б в Болотной Окраине завелось что-то посерьезнее водяных и болотников, а так из всей нечисти живет довольно безобидная мелочь типа блуждающих огоньков, вот ведуны и заявляются раз в год по большому одолжению и то неохотно.

Я поежилась и застегнула теплую куртку до самого горла, защищаясь от ледяного осеннего ветра, бьющего в лицо. Эльфийский скакун подо мной недовольно заржал и сбавил

шаг, словно не желая идти дальше. Я его понимаю, мне тоже не хочется, но есть такое мерзкое и донельзя опостылевшее мне слово «надо».

– Буря будет, – отметил Данте, глядя на небо, по которому ползли тяжелые свинцовые тучи. Я проследила за его взглядом и мысленно согласилась. Будет, еще какая. Только Серебряный Лес она заденет самым краем, а вот Росскому княжеству достанется, как следует. В конце концов, сейчас вторая декада листопада, еще немного – и завоют ледяные северные ветра, пригоняя с севера из-за гор тяжелые тучи, полные снега. Дороги из размытой дождями глины смерзнутся в твердые бугристые комья, покрытые скользким тонким ледком. Наступит груден⁴, и хорошо, если он не ударит сразу студеными морозами, как это иногда бывает. Но запастись зимней одеждой придется, если предстоит ехать куда-то далеко. А то, что предстоит, я даже и не сомневалась – как не везет мне на короткие путешествия, все время выходит на край света неизвестно за чем.

– То-то лошади забеспокоились, – несколько рассеянно отозвалась я, наблюдая за бегущими по небу тучами. – До границы осталась пара верст, но я бы предложила остановиться на ночлег где-нибудь здесь. Буря, которая разразится в Росском княжестве, вряд ли сильно затронет эльфийское королевство. Так что лезть ночью в проливной дождь пополам со снегом я не считаю разумным. Кто за? Против?

⁴ Груден – третий осенний месяц (росск) – прим. авт.

Мои спутники переглянулись и пожали плечами.

– Вот и славно, – улыбнулась я, заставляя своего жеребца сойти с мощеной дороги. Тот только недовольно всхрапнул и вообще остановился. Я нахмурилась. – Ну и?

– Похоже, дальше они не пойдут, – отметила дриада, со-скальзывая с серебристой лошадки и глядя ее по морде, шепча что-то на ухо. Я кое-как слезла с заупрямившегося скакуна, а эта скотина, во время всего пути так и норовившая избавиться от ненужной поклажи в моем лице, вроде бы с облегчением вздохнула.

– Попробуешь выкинуть финт копытом – получишь по морде закливанием, – тихо предупредила я, глядя на то, как нетерпеливо жеребец переступает задними ногами. Тот только презрительно фыркнул, мол, еще чего не хватало – с такой мелочью возиться, и с достоинством развернулся, напоследок все-таки попытавшись хлестнуть меня хвостом по лицу. Не вышло – уворачиваться от лошадиных копыт и хвостов я научилась еще с Белогривым, а уж с ним никакой эльфийский скаун и близко не сравнится. Все никак не сподоблюсь спросить у Данте, где же он себе такого коня раздобыл, хотя подозреваю, что там для меня уже не осталось.

Я глубоко вздохнула, провожая взглядом возвращающихся домой эльфийских лошадей, а потом покосилась на своих спутников. Ланнан с интересом оглядывалась вокруг, Ветер мрачно ковырял носком сапога какую-то кочку в двух шагах от мраморной дороги, а Данте... Ну, аватар был в своем ре-

пертуаре – уже деловито шел к ближайшим раскидистым деревьям, успевшим сбросить последнюю листву.

– Эй, народ! – я возвысила голос, привлекая всеобщее внимание. Нулевая реакция. Ну и ладно. – Короче, вы тут обустраивайтесь на ночь, а я отойду на полчаса.

– Что, пробрало? – вяло поинтересовался Ветер. Хэли бы в обморок упала, услышав, как четырнадцатилетний подросток обращается с королевой айранитов. С другой стороны, сама Верховная Жрица и не таким тоном со мной разговаривала, когда думала, что никто ее не слышит.

Ага, как же, совсем никто. Аватары, когда хотят, могут быть совершенно незаметны.

– Вроде того, – усмехнулась я, пробираясь через можжевеловые заросли подальше от места грядущей ночевки. Буду надеяться, что им хватит ума мне не мешать, иначе ритуал вызова провести не получится. И так надвигающаяся буря может все карты спутать, в таких погодных условиях вообще непонятно, смогу ли я достучаться до Серебряного, который находится так далеко, за десятки верст, но если смогу... что ж, тогда у Ижена нас будут ждать волки. А может, и сам Серебряный, но это уж как получится.

Густые осенние сумерки уже спустились на землю плотным одеялом, и идти в потемках, постоянно спотыкаясь о выступающие корни деревьев и сбитые в последнюю бурю ветки, было делом нелегким. Маячивший передо мной световой шарик помогал, но плохо – поиски подходящей для

ритуала вызова магической точки осложнялись любым посторонним колдовством, так что комок белесого огня по сути освещал сам себя, да еще на пару локтей вокруг – только чтобы я не наткнулась лицом на низкие ветки кустарника.

Наконец ощущение подходящего места возникло вместе с легким покалыванием в груди. Сначала еле ощутимо, а потом все сильнее.

Кинжал, подброшенный в воздух, завис в ладони от земли, укрытой толстым слоем палой листвы.

Темнота осветилась яркой вспышкой небесного огня, сначала всего на миг, а затем молнии посыпались одна за другой, как будто забытые боги вспомнили старые обиды и затеяли в пелене грозовых облаков битву не на жизнь, а на смерть. Рокочущие раскаты грома не утихали ни на минуту, пока я собирала в чаше ладоней нужную для ритуала силу. Синее пламя клубилось в моих руках, то и дело выстреливая в ночь хвостатые искры, с шипением гаснущие под потоками дождя, а я шептала заклятие, стоя на коленях, хотя с таким же успехом могла бы и кричать во весь голос – шум ветра заглушил бы даже усиленный магией клич.

Буря все набирала обороты, но подрагивающее в воздухе лезвие ножа вдруг начало становиться прозрачным, наливаясь голубым огнем, и капли воды, стекая по нему, падали на землю уже сверкающими холодным лунным светом во мраке, как кровь единорога. И там, где они оставляли свой мерцающий след, на листьях расплывалось водяное зеркало, по-

ка еще мутное и отражающее лишь пелену дождя, прорезаемую острыми копьями молний.

Я закончила плести заклинание и встряхнула руками, роня жидкое пламя на «зеркало»...

...Удивительно, но в густой непролазной чаще, стеной стоявшей неподалеку от Стольна Града, было тихо. Скупой свет лился от бледного месяца, который станет луной еще лишь через две недели с лишком, но даже в этом свете я различила светло-серого, почти белого волка, который неслышно пробирался по толстому ковру опавших листьев, чутко прислушиваясь к окружающей его тишине. Скоро наступит ночь Дикой Охоты, до нее осталось всего ничего, как раз в ночь полнолуния древний бог-предводитель, поведет за собой в неистовом беге свою свиту, и горе тому, кто попадетс я ему на пути...

Серебряный почуял мое присутствие и резко остановился, глядя прямо на меня сверкающими в темноте светло-зелеными глазами. Как меня увидел вожак разумных волков – не знаю, может, и не увидел вовсе, а просто почуял. Люди слишком мало знают о стаях разумных, даже наставник, общавшийся с ними дольше, чем кто-либо еще, постоянно удивлялся новым сюрпризам, которые они ему преподносили. Правда, делиться полученными знаниями он не спешил даже со мной, говоря, что до многого я должна додуматься сама. Что ж, возможно, когда у меня будет время...

– Ты все-таки вернулась, лесная ведунья, – волк чуть

склонил голову в знак приветствия, я улыбнулась, но, вспомнив, что здесь и сейчас я – всего лишь магия, мысль, которую нельзя увидеть, а можно лишь ощутить, то постаралась вложить побольше эмоций в ответную мысль.

– *Не совсем, но почти. Я сейчас на границе Серебряного Леса и Росского княжества, и мне нужна ваша помощь.*

– *Дикая Охота грядет в полнолуние, ты знаешь об этом, ведунья?*

– *Да, знаю,* – ответила я, еще толком не понимая, к чему клонит Серебряный. Волк только вздохнул, опустив морду низко к земле.

– *Я и моя стая – часть своры почти позабытого людьми бога.*

Вот те на. Если бы я сейчас была в материальном воплощении, у меня бы весьма неграциозно отвисла челюсть. А так я была просто ошарашена. Серебряный еле слышно усмехнулся у меня в голове, словно радовался, что еще может вызывать у меня такое изумление. Интересно, а Алексей Вестников знал о таком необычном «тителе» стаи Серебряного?

– *Знал, разумеется,* – ой, а последнюю мысль я подумала слишком громко, надо бы потише. Серебряный же только нетерпеливо рыкнул.

– *Более того, юная ведунья, твой наставник даже как-то раз принимал участие в Диком Гоне, когда был гораздо моложе и бесшабашнее. Естественно, будучи лишь наблю-*

дателем, но поверь, ему и этого хватило.

Сколько интересного узнаешь о собственном наставнике и его бурной молодости, пообщавшись с его старыми друзьями. Конечно, я никогда не считала Лексея Вестникова тихим книгочеем, наверняка в молодости он наломал дров гораздо больше, чем я уже успела за свою недолгую жизнь, но чтобы такое...

– Так о какой помощи ты хотела меня попросить? – Серебряный волк покосился на скрывшийся за тучами месяц и прислушался к завываниям осеннего ветра в оголившихся ветвях.

– Можешь прислать кого-нибудь из своих волков для четверых, чтобы они побыстрее доставили нас отсюда?

Серебряный только оскалился, что у него означало улыбку. Глаза сверкнули в темноте двумя зелеными огнями.

– Могу... Только вы должны вернуться до ночи Дикого Гона.

Я промолчала, стараясь не задавать лишних вопросов. Что такое Дикая Охота я знала лишь приблизительно, но раз Серебряный велит поторопиться, то значит, так и стоит сделать.

– Мы пойдем через Марову Лещину к Ижсену, – успела я передать последнюю мысль перед тем, как заклинание начало таять, и я пришла в себя, стоя на коленях на мокрой земле, а по запрокинутому к небу лицу стекали холодные капли с каждой минутой усиливающегося дождя.

Я вздрогнула и, выдержнув из раскисшей почвы кинжал, сотворила маячок, который ярко-зеленым огоньком повел меня обратно к моим друзьям. Надеюсь, что он не полетит в буквальном смысле напрямик, а то лезть через бурелом мне как-то не хочется...

* * *

Язычки пламени медленно и словно нехотя расцветали на сырых дровах. Холодный осенний дождь, шедший на границе Серебряного Леса и Росского княжества, прибивал костер к земле, пытался затушить исходящие густым белесым дымом дрова, но пламя раз за разом упорно восставало. Вокруг неподдающихся дров суетились мои промокшие с головы до ног спутники – Данте с Ветром честно пытались как-то заставить костер гореть, а дриада просто сидела рядом с сумками, укутавшись в непромокаемый плащ. Правда, как мне показалось, плащ был непромокаем только на первый взгляд, если судить по несчастному лицу Ланнан. Ну вот...

– Оставь вас только на полчаса, уже творится невесть что, – весело объявила я, идя по пожелтевшей осклизлой траве под раскидистый дуб, где ребята расположились на отдых. Правда, назвать такое времяпрепровождение отдыхом можно было разве что с большой натяжкой.

– Умная, да? – буркнул уже вконец измучившийся Ветер. Я посмотрела на воздушный шатер, который он раскидывал

над стоянкой. У меня бы подобный полог притягивал молнии, а этот не только не пропускал дождь, но служил неплохой преградой пронизывающему до костей ветру. По крайней мере, паренек при моем появлении что-то наколдовал дополнительно, отчего полог действительно стал чем-то вроде неплохого шатра. Эх, жаль, что раньше мне как-то в голову не приходило таскать с собой специалиста по воздушной магии, а Хэли была не очень сильна в постройке подобных «шатров», зато молниями разбрасывалась не хуже грозовой тучи.

– Разумеется, – я зашла под полог и, свернув в ладони небольшой шарик огня, небрежно стряхнула его в костер. Секунду ничего не происходило, потом дрова зашипели, выбросив в стылый сырой воздух клубы горячего пара, и пламя весело затрещало, на миг взметнувшись аршинным столбом.

Данте, уже привыкший к подобным моим шуточкам во время походов, успел вовремя отодвинуться, а вот неугомонному Ветру любопытство едва не стоило опаленных бровей. Тем не менее, жарко полыхавший костер вызвал у него гораздо больше положительных эмоций, чем возмущения, и он шустро подтащил свою сумку к огню, скидывая с плеч промокший плащ и вешая его рядом нехитрым левитационным заклинанием.

– Вернулась? – Данте посмотрел на меня, находясь по другую сторону ярко полыхающего костра. Волосы, обычно собранные в хвост, сейчас были заплетены в косу, но несколько

прыдок все-таки выбились и сейчас казались тонкими черными спицами. Пляска теней обратила его лицо в странную, но по-своему красивую маску, странным образом ожившую.

— А что, разве это не заметно? — Я скинула свой плащ, но не стала вешать на просушку, а просто аккуратно сложила и уселась на него, как на подушку. У меня-то плащ зачарован получше, чем тот, что сейчас был на Ланнан, и больше походивший на широкое одеяло, явно с чужого плеча...

Я пригляделась, и поняла, с чьего именно. Данте всегда было глубоко наплевать на то, зачарован плащ от промокания или нет. Он, в общем-то, не сильно беспокоился о таких мелочах, поэтому заклинание, наложенное на его плащ, приходилось периодически обновлять мне. Каюсь, в этот раз я забыла это сделать. Дриада перехватила мой взгляд и, как мне показалось, едва заметно улыбнулась. Самыми уголками четко очерченных губ. И сразу же плотнее укуталась в плащ Данте, приваливаясь к узловатому стволу старого дуба.

— Ева, а ты где была так долго-то? — негромко поинтересовался у меня Ветер. Шустрый мальчишка уже успел с моего разрешения покопаться в недрах бездонного артефакта, и сейчас возился с котелком, наполненным водой. Хозяйственный паренек попался, и то радость.

— Да я нам транспорт подыскивала, эльфийских коней-то мы уже отпустили, — пояснила я, краем глаза следя за тем, как Ветер возится у костра. Данте, судя по всему, на этот вечер избрал для себя позицию наблюдателя. Может и к луч-

шему. Потому что аватар при желании мог приготовить сытную и качественную горячую еду, но вот во вкусовых качествах я бы засомневалась. Или, быть может, меня просто дворец разбаловал, отвыкла от походной жизни.

– И как, нашла? – Ветер добрался до небольшой книжки в потертом кожаном переплете, и покосился на меня. Я только кивнула, понимая, что с этого момента готовить придется уже мне – путевые заметки наставника заинтересуют мальчишку настолько, что он не только об ужине – о чем угодно позабудет. Ну и пусть, может, идея познакомиться с Лексеем Вестниковым не будет казаться ему настолько непривлекательной.

– Нашла, они к нам навстречу отправились, думаю, что где-нибудь у Ижена пересечемся.

– А-а-а, это уже хорошо, – пробормотал Ветер, уже почти полностью погрузившийся в чтение, подсвечивая себе на желтоватые страницы маленьким огоньком, зависшим над книгой. Я только плечами пожала, пододвигая поближе к себе раскрытый мешочек с крупой.

Дождь за тоненькой пленочкой воздушного заклинания, огородившего нас чуть светящимся куполом, ярился все сильнее. По подрагивающей преграде заклинания стекали капли воды, то и дело мерцали молнии, а у нас внутри было тепло, пусть и отнюдь не тихо – к сожалению, купол задерживал только дождь и сильный ветер, но вот грохот грома и завывание бури он даже и не думал приглушать. Если бы я

вздумала с кем-то поговорить, то пришлось бы кричать на ухо. Как можно было спокойно читать при таком шуме, когда до ненастья – всего лишь созданное тобой заклинание – я не понимала. С другой стороны, если бы мы путешествовали без Ветра, то пришлось бы искать более надежное укрытие – защищающие от непогоды пологи и купола, создаваемые мной, частенько оказывались опасными для здоровья, а в особенно неудачные дни – и для жизни, в то время как у Ветра всё получилось так, как надо...

Минут через десять я уже неторопливо помещивала в котелке кашу, куда добавила порезанное небольшими кусочками вяленое мясо, несколько щепоток душистой смеси, мешочек с которой нашелся в моей сумке, и теперь терпеливо ждала, пока все будет готово. Ланнан наконец-то соизволила передвинуться поближе к костру, и сейчас протягивала к живительному теплу босые ноги, пока ее невысокие полусапожки сохли чуть поодаль от нее.

Молчание затягивалось. Данте вообще сам по себе неразговорчив, всё-таки, призвание аватара, да еще и Ведущего Крыла не развивает болтливость, но так, чтобы за весь вечер ни слова не проронить... По-моему, он этим от Ветра заразился, не иначе, а мне заводить разговор в последнее время стало не с руки. Наверное, мы так и просидели бы в тишине до самого отбоя, если бы Ланнан не решила нарушить молчание. Она вытащила из-под плаща свою длинную косу и, осторожно держа ее перед костром для просушки, поин-

тересовалась:

– Ева, как я поняла, ты тоже айранит, как и Данте? – Я на миг оторвалась от сосредоточенного помешивания каши и взглянула в зеленые глаза дриады. Пожала плечами.

– В общем-то да. – В конце концов, то, что я королева, можно и не афишировать.

Дриады, равно как и гномы, а теперь и драконы, ничего против айранитов не имели, более того, на рынках Андариона и Торговой улице я часто встречала дриад – раса это миролюбивая, конечно, до тех пор, пока их серьезно не задеть, но они ходят по земле, а айраниты в основном парят в воздухе. Нам нечего делить, не за что драться друг с другом, вот и получается, что строить мирные отношения у нас получается легко и бесппроблемно. Активная торговля, опять-таки, настраивает на дружеский лад. По большому счету, айраниты стараются лишний раз не мелькать разве что среди людей – как ни прискорбно, но именно этой расе свойственны непомерные аппетиты в области власти и захвата новых территорий. Поэтому и людей-то в Андарионе нет. Насколько я знаю – совсем.

– Но при этом ты лесная ведунья, которая воспитывалась у человеческого мага? – уточнила Ланнан. Я пожала плечами.

– И что? Я полукровка, воспитывалась среди людей. Такое часто бывает. Просто вторая ипостась не всегда проявляется у полукровок. У меня проявилась.

– Получается, что тебе очень повезло, что тебя воспитывал волхв, знавший об айранитах. – Дриада улыбнулась, легонько пихая зачитавшегося Ветра в бок. – Ева, у тебя сейчас каша сбежит. Ветер, доставай ложки.

– Ой! – Я едва успела подхватить котелок левитацией, чтобы не пришлось хвататься за обжигающе горячую дужку руками, и аккуратно переставила его на землю. – Господа путешественники, угощайтесь!

Видимо, ничто так не сближает совершенно разных личностей – потому что назвать «людьми» группу из четырех существ, среди которых человеком является только четырнадцатилетний мальчишка, сложно – как поздний ужин во время осенней бури. Пусть вместо дома – только прозрачный воздушный шатер, но зато горит жаркий огонь, тепло и есть горячая еда. Спрашивается, что еще надо усталому путнику после дороги? Правильно – поспать бы, но на голодный желудок это плохо получается.

Правда, на этот раз дружеского общения не вышло – всех настолько измотала так называемая «подготовка ночлега», что говорить-то толком не хотелось. Ветер – ну, тот вообще с записками наставника не расставался, и умудрялся одновременно есть и разбирать неровный, размашистый почерк, но в сон его начало клонить гораздо раньше, чем меня – так и уснул на исписанных листах потрепанной книжки. Я достала еще одно одеяло из сумки и укрыла мальчишку, тихонько вытащив из-под него записки наставника. Легонько про-

вела ладонью по темным вьющимся кудрям, задумчиво глядя на лицо, не утратившее хмурого выражения даже во сне. Гибель наставника, как и любого близкого человека, всегда тяжело переживается, особенно у тех учеников, которые лишились своих родителей – ведь хороший учитель может заменить собой и отца, и мать. Я не знала другого отца, кроме как Алексея Вестникова, да и не хотела знать, по правде говоря. Проще было думать, что мои родители погибли, а не выбросили меня умирать под елкой в лесу в голодный год. Волхв Алексей принял меня, надеюсь, что примет и Ветра...

Глава 4

Я пребывала в состоянии какой-то странной полудремы – глубокий сон не шел, а держать глаза раскрытыми не было никакой возможности. Бессонница, чтоб ее, навалилась на меня вместе с невероятно ленивым состоянием, когда неохота даже встать с довольно жесткого ложа, чтобы поискать в сумке какое-нибудь снадобье, способное обеспечить крепким здоровым сном без сновидений до позднего утра. Впрочем, с тех пор, как я стала айранитом, некоторые зелья почти перестали на меня действовать, другие, напротив, действовали слишком сильно. К примеру, в моем нынешнем состоянии, обезболивающие эликсиры почти не помогали, в то время как обычные тонизирующие средства могли обеспечить бодрость на сутки.

Ледяные пальцы северного ветра скользнули под складки куртки, и я недовольно поежилась, плотнее укутываясь в одеяло, но это почти не помогло – пришлось открывать глаза и нехотя подниматься с нагретого места. Как я и думала, костер почти прогорел, только угли едва мерцали красноватыми огоньками под слоем белесой золы. Я поворошила их небольшой суковатой палкой и, подумав, кинула её в костер вместе с парочкой покрупнее, чуть-чуть поколдовав, чтобы пламя с большим энтузиазмом принялось за предложенную ему пищу.

Стало несколько теплее, но сон почему-то окончательно ушел, словно затерявшись в густом осеннем тумане, белесым облаком спустившемся на нашу стоянку. Я сидела и тупо наблюдала за тем, как язычки пламени медленно расцветают на влажной, чуть потрескивающей коре, разрастаются и отвоевывают себе все больше места. Мои спутники спали, с головой завернувшись в тонкие, но теплые эльфийские одеяла, и я им откровенно завидовала, потому что не могла заставить себя снова улечься спать, несмотря на то, что глаза у меня жгло от невозможности держать их открытыми.

Я зевнула и посмотрела поверх костра на напоздший туман, который будто бы огибал воздушный «шатер», выстроенный Ветром накануне, когда шел дождь. Сейчас буря прошла стороной, едва задев нас самым своим краем, а на смену ей пришел промозглый ночной холод и туман. Белесые клубы постепенно заполнили собой все вокруг, так густо, что спустя несколько минут я уже не могла различить ничего за пределами «шатра», как вдруг к преграде скользнула чья-то призрачная тень, бесформенным комком зависнув перед магическим пологом, даже и не пытаясь за него проникнуть.

Всю сонливость как рукой сняло, и я встала, вглядываясь в призрака.

Бесформенный комок начал меняться, принимая человекоподобные очертания. Вот уже можно различить голову, руки и ноги, словно вылепленные из тумана и теней неуверенной детской рукой. Проявились черные провалы глаз, и

безымень широко раскрыл «рот» в беззвучном крике. Я похолодела, не находя в себе сил сотворить знак, отгоняющий предвестника беды.

Безымени-кликушники никогда не ошибаются, они чувствуют горе, как стервятник — падаль, и слетаются, чтобы увидеть того, кому грозить несчастье или даже смерть. Эти призраки могут запросто сбить человека с пути или напугать до полусмерти, но они же могут с точностью указать, к кому пришли. В редких случаях безымени могут принять облик того, кого ждет скорая смерть, став на минуту-другую его «отражением». Или, как еще говорят ведуны — слепком с души. Можно спросить безыменя о том, чью смерть он чувствует, и он ответит, попросту превратившись в двойника обреченного. Честно говоря, никогда не видела безыменя так близко и, если честно, не желала видеть никогда. Все дело в том, что, прогнав кликушника, беду не отвратить. Это как отмахнуться от точного предсказания под предлогом, что пусть «будет все, как предначертано». Будет непременно, и выбор по сути только в том, хочешь ты обременить себя страшным знанием, или же нет.

Я подошла к самой границе «шатра», вглядываясь в плавающего за тонкой магической преградой призрака. Безымень перестал метаться в клубах тумана, и завис напротив меня. Черные провалы на бесформенном «лице» оказались на уровне моих глаз, и я шепнула еле слышно:

– Покажи.

Кликушник словно услышал, и тотчас стал меняться. Черным блестящим потоком пролились густые волосы, в которых белой лентой сверкнула седая прядь, оформились черты волевого лица, лег на плечи поверх темной куртки плащ. Я отшатнулась, зажав руками рот и не в силах оторвать взгляда от мертвенно-бледного лица Данте, стоявшего передо мной за тонкой магической завесой. Сходство между двойником и оригиналом было настолько пугающе точным, что я даже оглянулась, чтобы удостовериться – аватар спокойно спит у почти потухшего костра, завернувшись в одеяло. Спит, а не смотрит на меня пустыми остекленевшими глазами безо всякого выражения, словно полированными камнями в глазницах языческой статуи.

Двойник склонил голову набок, словно приглядываясь к чему-то у меня за спиной, а потом вдруг на его груди начало расплываться кровавое пятно, на глазах становившееся все шире и шире. Кровь стекала по кожаной куртке, падая в туман, и почему-то оставляя на белесых клубках едва заметные пятна, а я медленно пятилась назад, не желая осознавать то, что безымень предсказывает смерть того, без которого для меня эта жизнь попросту не имеет смысла. Я резко выбросила руку вперед, чертя в воздухе знак, отгоняющий таких вот «безопасных» призраков, хотя с куда большим удовольствием уничтожила бы его раз и навсегда.

Чтобы не вспоминать больше о двойнике Данте, залитом кровью.

Чтобы не думать о том, что предсказание кликушников сбывается всегда.

Чтобы жить так же, как до этой ночи, когда меня разбудил холод.

Не думать. Не смотреть. Не вспоминать.

Только не получается почему-то...

Говорят, что знание – это самая великая сила, но верно так же, что великое знание – великие печали. Сейчас, глядя на то, как безымень утрачивает сходство с Данте, как растворяется в густом тумане, обступившем стоянку, я думала о том, что далеко не все знание готова принять. Сколько у меня времени до того, как сбудется увиденное этой ночью? Смогу ли я предотвратить то, что уже предрешиено?

Ответ – не знаю. Но, возможно, мой наставник знает. Он уже давно свyksя с тем, что несет в себе знания, которые кому-то покажутся опасными, кому-то – бессмысленными, а кому-то – слишком тяжелой ношей, чтобы нести их в одиночку. Я впервые ощутила себя на месте Алексея Вестникова, когда знание настолько рвет душу, что невозможно держать его в себе, но...

Я обернулась на тихо посапывающего Ветра, на свернувшуюся калачиком хрупкую дриаду, на Данте, спящего у костра рядом с двуручным мечом...

Рассказать им? Сейчас?

Просто не смогу.

Я пересекла границу магического полога, шагнув в клубы

медленно редееющего тумана. Ледяной ветер сразу же пробрался под полы куртки, но я уже почти не ощущала холода, идя сквозь туман подальше от лагеря «куда глаза глядят». Мимо стройных березовых стволов, отчетливо белеющих в осенних предутренних сумерках, обходя заросли валежника. Я шла, и горечь осознания грядущей потери все накапливалась, холодным комом стыла в горле, не давая толком ни кричать, не плакать. Не бывает же такого, чтобы нельзя было судьбу обойти. Всегда есть способ. Другое дело – какой будет цена, сколько запросит великая Прядильщица Судеб за то, чтобы не обрывать истончившуюся жизненную нить, и найдется ли у меня то, что ей приглянется.

Очнулась я, когда перед моим лицом вдруг неожиданно оказалась береза. Старое, расщепленное пополам почти до основания молнией, покосившееся дерево всё еще стояло, всем своим видом показывая, что падать не намерено. Даже сейчас в предрассветной мгле можно было разглядеть, как на низко поникшей ветке сиротливо болтается последний лист, никак не желающий покидать свое пристанище. Порывы ветра трепали его, дергали во все стороны, но никак не могли заставить оторваться от ветки для того, чтобы совершить последний в своей жизни полет. Упорный листик попался, право слово.

А я? Чем я хуже? В чем простой березовый лист упрямей меня?

Я вымученно улыбнулась. Холодный ветер бил по лицу,

превращал медленно текущие по щекам слезы в ледяную влагу, безжалостно стягивающую кожу. Еще немного – и закрутят северные ветра, пригоняя в Русское княжество тяжелые снеговые тучи. Зазмеится поземка по тракту, ударят первые заморозки, покрывающие лужи в колеях сельских дорог тонкой пленкой первого льда, а там уже и до настоящих холодов недалеко. Если не успеем добраться до Излома осени к наставниковой избушке – ох, тяжело придется.

За спиной тихо хрустнула ветка, и я резко обернулась, вызывая в ладони жаркий ком голубоватого огня, свет которого на несколько секунд ослепил мои привыкшие к темноте глаза. Иногда я забываю, что, став айранитом, приобрела возможность гораздо лучше видеть в темноте. Настолько, что порой в колдовском светляке нет необходимости.

– По-моему, тебя надо отучать от привычки сначала метать огненные спирали, а потом размышлять, в кого мечешь, – Данте выступил из темноты и тумана, и в его глазах, живых, не напоминающих полированные агатовые бусины, отражались отблески пламени в моей руке. Я только пожала плечами и, резко сжав кулак, впитала голубое пламя, по привычке встряхнув начавшей зудеть ладонью.

– По-моему, уже отучил. Я ведь тебя не спалила.

– Ты лучше скажи, куда собралась за час до рассвета, горе луковое, да еще без вещей? – Он усмехнулся, складывая руки на груди и привычно игнорируя растрепавшиеся во время сна волосы. Завидую я ему, если честно. Иногда и по ни-

чтожному поводу. Если бы у меня были волосы длиной почти до пояса, то после каждой ночевки на природе пришлось бы возиться с частым гребнем, чтобы воронье гнездо на голове не получилось, а аватару – хоть бы хны. Встряхнет головой, проведет поутру ладонью по волосам – и все, пряди лежат ровно и гладко, словно час причесывался. – И учти, если начнешь врать, что пошла по нужде – не поверю, в такую даль из-за подобных мелочей не забираются.

– Подумать пошла, – недовольно буркнула я, застегивая воротник куртки под горло и втягивая голову в плечи, становясь похожей на замерзшего воробья. Если добавить к образу еще и встрепанные коротко остриженные волосы – то сходство становится почти полным. Разве что чирикать не хочется.

– И что за мысли тебя увели такой дорогой, что мне за тобой пришлось через бурелом перебираться? – Он протянул ко мне руку, и через секунду я оказалась прижатой к его груди, а он уже укрывал меня полкой своей куртки, стараясь согреть и одновременно словно укачивая в своих объятиях. – Ты же совсем замерзла. Неужели нельзя было думать у костра, где ты хотя бы не рискуешь простыть?

– Видимо, нельзя... – Я уткнулась лицом в тонкую шерстяную рубашку, согретую его теплом, и едва сдержалась, чтобы не заплакать, потому что всё еще стоял перед глазами образ двойника-безыменья... и капала темно-красная кровь на снежное покрывало, нарисованное извивами туманных

клубов.

– Тебе что-то помешало? Или кто-то? – Он обнял меня крепче, словно желая оградить кольцом своих рук от всего мира, и чуть наклонился, еле ощутимо касаясь губами моих стриженных волос. Очередная слезинка скатилась по моим ресницам, впитавшись в темную ткань рубашки на его груди. Я должна что-то сделать, чтобы предсказанное безыменем, никогда не сбылось. Или чтобы я этого уже не увидела.

– Да так... призраки вокруг расшалились, – я ощутила, как он моментально напрягся, и поспешила добавить. – Безвредные, честное слово ведуньи.

– Или призраки на проверку оказались не настолько безвредными, как ты утверждаешь, или ты знаешь что-то, о чем говорить не хочешь, – он осторожно приподнял мое лицо за подбородок, подушечкой большого пальца стирая невидимые в темноте слезы. – Что бы ни случилось, я сумею тебя защитить. Ты мне веришь?

– Ты же знаешь, что да. – Я шмыгнула носом, понимая, что безнадежно порчу момент, но подделать с собой ничего не могла. Тоже мне, королева... Стою ночью в лесу на эльфийской границе, шмыгаю носом в объятиях аватара и все еще пытаюсь делать вид, что ничего не произошло, а расчувствовалась я просто так и на ровном месте. И кто я после этого, спрашивается?

– Тогда расскажи, что расстроило тебя настолько, что ты бросила всё и ушла, куда глаза глядят, в весьма холодную

ночь? – Данте ласково провел ладонью по моей щеке, стирая никак не желающие останавливаться слезы, согревая меня своим теплом. – Я знаю тебя не первый год, ты ничего и никогда не делаешь просто так, у тебя для всего есть причина. Для этих слез – тоже.

– Я... просто не могу...

Он ничего не ответил – только прижал меня к себе сильнее, зарываясь лицом в мои волосы. Не стал настаивать, просто принял положение вещей. Завтра или послезавтра он непременно постарается снова разговорить меня, потому что ему нужно понять причину, чтобы предотвратить или хотя бы смягчить последствия. Но здесь и сейчас он не будет пытаться всё выяснить. И именно за такое понимание Данте для меня воистину бесценен...

На затылок мне упала холодная капля, и я вздрогнула, подняв лицо к медленно сереющему небу. Следующая капля упала мне на кончик носа, и я машинально смахнула ее, едва удержавшись, чтобы не фыркнуть, как недовольная кошка.

– Похоже, нам пора возвращаться... – Я вздохнула и неохотно высвободилась из кольца рук Данте. Сразу стало на порядок холодней и неуютней. – Снова дождь начинается.

– Странно, что не снег. – Он мне не препятствовал, только крепко держал за руку, когда мы возвращались обратно по скользкой тропке, обходя валежники. Когда мы уходили от березы, я обернулась – упрямый листик всё так же трепетал на ветру, бросая вызов зиме...

Снег всё же пошел.

Когда я с трудом разлепила глаза, то поляна вокруг была покрыта первым, уже подтаивающим снежком, запорошившим влажную палую листву. Было холодно, и я в очередной раз обрадовалась, что не послушалась увещаний эльфов – мол, на наших землях снега в такое время вообще не бывает. Может, обычно так оно и есть, но ведь всегда находится ряд исключений. Вот и сейчас – мокрые снежинки падали с неба, затянутого свинцово-серыми тучами, задерживаясь на прозрачном пологие воздушного «шатра», как на невидимой крыше, ненавязчиво напоминая о том, что вторая декада листопада подходит к концу. Значит, скоро завоюют северные ветра, принося с собой снег и стужу, и в Русское княжество придет зима. Всего неполные две недели до Излома, до ночи Дикой Охоты...

Кажется, придется поторопиться, чтобы добрать до избушки Лексея Вестникова вовремя. Честно говоря, я не рискну встать на пути Дикой Охоты, и никому не посоветую. Слишком велик шанс того, что призрачная свита разметет неудачника на куски в прямом смысле этого слова. Хотя, если честно, я никогда не интересовалась этим феноменом настолько, чтобы знать больше, чем рассказывал мне когда-то наставник в качестве общеобразовательного матери-

ала. И уж точно мне вряд ли хватило бы смелости присоединиться к наземной части Дикого Гона, как это сделал когда-то волхв Лексей.

– Эй, ведунья, ты есть будешь? – Я посмотрела на хмурую Ланнан, по-прежнему кутавшуюся в широкий плащ с плеча Данте и возившуюся с котелком. – Просыпайся, если мы хотим куда-то еще успеть, то нам надо двигаться в путь.

– Что ж ты с утра такая злая-то? – пробурчала я, выпутываясь из одеяла и передвигаясь поближе к костру. Ветер уже протягивал мне плоску со свежей кашей, с усмешкой косясь в сторону мрачной дриады.

– Поменьше ей надо с твоим телохранителем заигрывать, веселее будет, – хмыкнул паренек, напрочь игнорируя испепеляющие взгляды со стороны Ланнан. Вот даже так, интересные дела творятся, пока я тут сплю. Кстати, а куда сам предмет спора-то задевался?

– Ветер, а где Данте? – ученик мага поднял на меня темно-карие глаза и пожал плечами. Понятно, аватар решил самостоятельно выяснить, что же меня вчера ночью так расстроило, а что для этого надо сделать в первую очередь, если расспросы не помогли? Правильно, осмотреть место ритуала. Авось чего и попадется.

– Ясно все с вами, тихушники...

Я побыстрее расправилась с завтраком и принялась укладывать одеяло в сумку, заодно ища для Ветра убранные накануне записки наставника. Небольшая книжка в вытертом

от времени кожаном переплете нашлась на удивление быстро, а вместе с ней – перекрученный корешок на сплетенной из прочной травы веревочке. Подарок освобожденной дриады.

Амулет, который защитит. Непонятно от чего, непонятно, при каких обстоятельствах, но дриады слов на ветер не бросают, особенно в таких случаях. Я ласкающе провела кончиками пальцев по шероховатой поверхности корня, и впервые попыталась ощутить скрытую в амулете силу. Поначалу я чувствовала только тепло, словно в амулет были вплетены ласковые солнечные лучики, а потом на корне языка появился привкус свежей родниковой воды, такой, каким он бывает только в середине весны, когда подземные ключи окончательно высвобождаются, и изливаются в сокрытые в тени деревьев русла. Привкус травы, солнечное тепло и ощущение ласкового прикосновения весеннего ветра на коже.

Магия весны и жизни, магия дриад.

Защита от черного пламени земли, потому что не может земля причинять вред самой себе.

Бесценный дар в сложившейся ситуации...

Я открыла глаза, и с удивлением увидела перед собой серьезное лицо Ланнан. Ее глаза еле заметно мерцали изумрудным пламенем, а в золотистой косе словно запутались солнечные лучи. Она держала ладони лодочкой над амулетом, как будто бы согреваясь его теплом, а потом посмотрела на меня в упор, и я с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться –

настолько тяжелым оказался этот взгляд.

– Откуда у тебя эта вещь, ведунья?

– Это подарок одной из дочерей Древа, – негромко ответила я, сжимая амулет в кулаке. Тот, словно протестуя против такого обращения, слегка кольнул мою ладонь острыми «иголочками» силы – будто бы я держала в руке плод каштана. Не больно, но ощутимо. Странно, раньше он так не реагировал. Может, потому, что наконец-то настало его время? Такое бывает с мощными «одноразовыми» амулетами – они словно спят, когда в них нет нужды, и «просыпаются», когда наступает их час. И всё для того, чтобы магический щит, способный выдержать, к примеру, прямое попадание из катапульты, не расходовался на защиту от падающего кирпича. Защита от дураков, параноиков и перестраховщиков.

– Хорошие же тебе подарочки дарят, – прошелестела дриада, и в ее голосе мне почудился отзвук бури. Честно говоря, идея взять ее с собой уже не казалась мне настолько хорошей – ладить с ней у меня пока что не выходит.

– Случается, – в тон ответила я, отдавая книжку Ветру и помогая мальчишке затапывать костер.

Именно в этот момент воздушный шатер соизволил пропасть, и на нас посыпались ледяные капли воды, до того удерживаемые заклинанием. Дриада возмущенно фыркнула, а Ветер разочарованно опустил плечи. По идее, такой шатер держится долго, без обновления заклинания может простоять почти сутки, но это у хорошо обученного мага воздуха. У

четырнадцатилетнего мальчика он вообще мог не получить, так что надо радоваться, что заклинание не развеялось в первые полчаса, а честно продержалось всю ночь, оберегая в непогоду.

– Не переживай, у меня и так бы не вышло, – я ободряюще потрепала паренька по затылку, но тот вывернулся из-под моей руки, как ошпаренный. Я застыла. Он посмотрел на меня исподлобья, как упрямый волчонок. И так же недобро.

– Я уже не маленький!

Правильно, не маленький. Это у меня откуда-то прорезался материнский инстинкт, потому что я знала, каково это – быть одному. Совсем одному. Но у меня хотя бы был наставник, заменивший мне отца, хоть я не всегда это понимала. Сейчас – понимаю.

– Прости. Конечно, ты уже не маленький. Просто так обычно мой наставник делал, когда хотел меня ободрить. А все мои воздушные пологи являются страшным оружием против незнающих.

– Это еще почему? – Ветер перестал ершиться, и смотрел на меня уже несколько более благосклонно, если можно было так сказать о подростке.

– Потому что мои воздушные пологи во время грозы почему-то притягивают все молнии в округе. Так что сидеть под ними в дождь – это обычно означает превратиться в обугленный скелет с большой долей вероятности. Так что не расстраивайся от того, что у тебя пока еще не все получается

так, как должно. Это исправляется со временем и под руководством хорошего наставника. Мир? – я протянула ему ладонь, улыбнувшись. Тот, не глядя, пожал ее и отвернулся, убирая записки наставника в свою довольно объемную дорожную сумку.

– Вы уже собрались? – Я обернулась на знакомый голос, раздавшийся из-за плеча. Раньше такая манера бесшумно подкрадываться меня злила, сейчас же я привыкла к этому настолько, что даже не вздрагивала, обнаружив у себя за спиной невесть откуда взявшегося Ведущего Крыла. Черные волосы аватара были убраны в низкий хвост, из-за плеча выглядывала рукоять двуручного меча, а небольшую походную сумку он вертел в руках с таким видом, словно не знал, куда поудобней ее пристроить. – Напоминаю, что до ближайшей русской деревни еще идти и идти, и, если вы не хотите ночевать на снегу под кустом Маровой Лещины, то нам следует поторопиться.

Я вздохнула, набрасывая на голову глубокий, отороченный серым мехом капюшон теплой куртки, вытащила из «бездонной» сумки меч в наспинных ножнах, взвесила в руке. Немного тяжелее, чем тот, древний, который сейчас остался в Андарионе, рукоять не так удобно ложится в ладонь, но это все же лучше, чем совсем ничего. Как я уже успела убедиться, не всегда одной только магии достаточно в сражениях, иногда черная гномья сталь намного эффективнее. С перевязью пришлось повозиться – слишком меня

разбаловала жизнь во дворце, позабыла, что значит спать на голой земле, быть готовой в любой момент дать отпор каждому, кто попытается пробиться за тонкую, зыбкую линию бережного круга и за мгновение выхватывать оружие. Придется вспоминать.

Я застегнула ремень наспинных ножен, проверила, удобно ли вытягивается недлинный клинок, и шагнула к Данте, вкладывая теплый амулет в его руку, обтянутую черной кожаной перчаткой. Заглянула в глаза.

– Надень, пожалуйста. И не снимай. Это защитный амулет, одноразовый, но очень мощный. – В черных с серебряными искрами глазах отразилось понимание пополам с недоверием. Нет, не совсем так. Аватар знал меня хорошо, наверное, почти так же хорошо, как Вилья, несмотря на менее длительное знакомство.

– Ты уверена, что мне он нужнее? – В этом вопросе был подтекст, который звучал примерно как «Ты уверена, что все настолько серьезно, что *мне* понадобится такая защита?» Я кивнула, отвечая «да» на оба вопроса – и на озвученный, и на так и не высказанный.

– Нужнее. Не забывай, что я ведунья. У меня естественной защиты хватит.

– Но не от меча в спину, – возразил он, тем не менее, надевая на шею пульсирующий теплом и магией корешок. У меня слегка отлегло от сердца.

– Этот амулет не от меча. А от заклятия.

– Наподобие того, что попало в Вилью?

– Да. Возможно, что защитит и от более мощного, но на всякий случай – лучше не подставляйся, хорошо?

– Только если не будет необходимости.

Всё. Большого я от него не добьюсь. Иногда мне сложно, почти невозможно принимать его таким, каков он есть – с его обостренным чувством долга, с уверенностью, которая граничит с самомнением, хотя назвать чересчур уверенным в себе Ведущего Крыла не мог ни один недоброжелатель. А когда уверенность и ответственность за «своих» сочетаются с невероятным упрямством и привычкой принимать решения в одиночку – задача смириться с характером Данте становится для меня совсем уж непосильной. Да, он гораздо старше и опытней меня, лучше знает жизнь, но при этом у меня постоянно складывается ощущение, что он не знает, что делать с самим собой, вот и прячется за черной броней долга и ответственности.

Он так и не определился, в чем его долг больше – перед Андарионом или перед королевой. Кому служить – стране или монарху. Хотя я бы предпочла, чтобы он видел во мне не одушевленную власть, королеву-талисман, а личность и душу.

Я вздохнула, отводя взгляд и пряча покрытые белесыми шрамами от ожогов руки в темно-коричневые кожаные перчатки с шерстяной подкладкой. Как же мне сейчас не хватает Вильки... Уж она бы точно встряхнула меня, как следует,

играючи прогнала дурные мысли о предзнаменовании безыменья и дала бы сильного морального пинка в сторону оптимизма. Но сейчас Вилья, как зачарованная царевна, спит на ложе из волшебных эльфийских лоз и ждет, пока мы не отыщем ту сволочь, которая ее прокляла. И некому ободрить, некому помочь. Даже выслушать некому.

Как сказал бы Аранвейн? Быть королевой – значит, быть одинокой в толпе почитающих тебя. Воистину верное выражение. Но для меня быть королевой – это еще нести ответственность и заботиться о тех, кому выпало попасть под мое покровительство. Сейчас мне приходится оберегать и защищать четырнадцатилетнего мага-недоучку и раздраженную на весь мир дриаду. А теперь еще прибавилась головная боль за Данте, хотя я считала, что уж кто-кто, а он сумеет позаботиться о себе самостоятельно, но поди ж ты...

Хочется верить, что безымень ошибся. Что все еще обойдется, ведь смерть можно обогнать, обвести вокруг пальца. Пусть это сложно, почти до невероятия, но не невозможно. В конце концов, самое большое испытание для веры – это отчаяние. Рано отчаиваться, особенно пока есть еще, за что бороться. И за кого.

– Ну что, мы идем или как? – Я поправила на плече походную сумку и направилась по узкой, замеченной первым снегом тропке к мощеному мрамором эльфийскому тракту, ведущему в людские земли. В конце концов, до границы всего ничего, по такой дороге быстро дойдем, а там постараемся

поскорее добраться до деревеньки Полуденка, что расположена аккурат между Серебряным Лесом и Маровой Лещиной.

Меньше, чем через полминуты за правым плечом возник Данте, и зашагал рядом, привычно подстраиваясь под мою скорость ходьбы. Я вздохнула чуть посвободнее, расправив слегка ссутуленные плечи. Ничто в мире не стоит на месте, но пока аватар с двуручным мечом будет находиться за моей спиной, все будет хорошо. Рано или поздно. Но непременно будет.

Я обернулась, чтобы убедиться, что мои подопечные идут следом, стараясь не отставать. Ветер с интересом смотрел по сторонам, дриада по-прежнему хранила гордое молчание, укутавшись в широкий черный плащ. Странно, я думала, что дочери Деревьев более морозостойкие, чем люди, но на деле все оказалось несколько иначе. Впрочем, я раньше ошибочно считала, что дриады в большинстве своем – просто прекрасные девы, но о том, что они могут изменять внешний облик, вызывая к природной магии, даже и не догадывалась.

Сюрприз на сюрпризе, и хоть бы один приятный... Надеюсь, что все хорошее и приятное ждет нас впереди.

Если там, в небесах нас кто-то еще слышит, не обломи хоть эту надежду, а?

Указатель у села Полуденки оказался на удивление аккуратным и почти новым, по крайней мере, дерево еще не успело потемнеть от непогоды, а буквы можно было различить за полсотни саженой. Да и высокий частокол выглядел внушительно – почти как в Древицах, крепкий и добротный, разве что бревна не были искромсаны когтями нежити, да и смотровых вышек с бдительными лучниками не наблюдалось, а в остальном – поселение как поселение. Впустили без особых проблем, как только взглянули на усталое лицо Ветра и едва бредущую к воротам дриаду, только вот на Дантов меч покосились не то с уважением, не то с опаской. Но задерживать или просить оставить оружие не стали, и на том спасибо. Улицы тоже особого подозрения не вызвали – от ворот наподобие лучей отходили четыре «основные» дороги, вдоль которых были поставлены дома и небольшие торговые лавки, а переулки наверняка появились путем вытаптывания желающими сократить путь к соседу, возлюбленной или местной бабке, торгующей самогоном. Единственное, что сразу же бросалось в глаза – это заброшенный дом, стоящий в самом начале крайней левой улицы.

Свежеокрашенные ставни почему-то были наглухо заколочены прочными досками, резной конек на крыше еще не успел потемнеть от времени и непогоды, да и сам дом казался

если не заново выстроенным, то хотя бы недавно приведенным в порядок. Интересно, кому понадобилось заколачивать окна и двери хорошего дома и забросить сад? Насколько я знала, в подобных приграничных деревнях свято место пусто не бывает, и свободную от хозяев жилплощадь всегда найдется, кому занять. Исключением был случай, когда прежние хозяева погибали от какой-нибудь особо заразной болезни, но в таких случаях дом обычно становился погребальным костром. А тут – просто двери и окна заколотили.

– Станный дом, – негромко пробормотал Ветер, потирая плечи. – У меня от него мороз по коже.

– Не у тебя одного, – отозвалась дриада, натягивая поглубже капюшон плаща и притоптывая на месте от холода. Нда, похоже, моднице из Серебряного Леса придется подыскать себе сапожки потеплее. Все же поздняя осень в Росском княжестве – это уже почти зима. – Я понимаю, что деревенский дом, от которого веет жутью – это безумно интересно, но, может, все же найдем корчму и хотя бы погреемся? Или тут все, кроме меня, морозостойкие?

– Не уверена, но спорить не стану, – я проводила взглядом стаю ворон, которая с карканьем взлетела со слегка покосившегося карниза на втором этаже заброшенного дома, и вздохнула. Хотелось бы, чтобы ощущение стылого могильного камня, исходящее от дома, оказалось всего лишь плодом моего воображения.

– Тогда чего ждем? – с этими словами Ланнан решитель-

но направились прочь, а нам ничего не оставалось, как последовать за ней.

Корчму мы нашли быстро, даже не пришлось долго плутать по переулочкам – достаточно было спросить дорогу у первого попавшегося по дороге слегка поддатого крестьянина, который безошибочно указал нужное направление.

За окном завывал холодный ветер, безуданно гонящий по небу свинцово-серые тучи, по закрытым ставням колотил дождь пополам со снегом, превращавший дорогу в грязевое болото, а в самой корчме было на удивление тепло и уютно от ярко горящего огня в большой печи. Недостаток же света с лихвой компенсировался хорошо приготовленной деревенской едой. Сотворенный мной светлячок неподвижно завис над столом, разгоняя полумрак корчмы гораздо лучше, чем небольшая масляная лампа, горделиво стоящая в центре выскобленной добела столешницы, а я вяло ковырялась вилок в тарелке, краем уха прислушиваясь к разговору своих спутников. Хотя, если честно, разговор как таковой не складывался – Данте вообще в последнее время рот раскрывал редко, и то преимущественно по делу, дриада, как ни странно, тоже не торопилась травить байки, поэтому от скорбной тишины за столом нас спасал только Ветер. Мальчишка уже немного оттаял, и сейчас стремился всю постичь окружающий мир, доставая с вопросами сначала меня, а потом и Ланнан, которая находила в себе силы отвечать на расспросы Ветра с перерывами на еду.

И все же, не давал мне покоя тот дом. Настолько, что я, не вытерпев, заинтересовалась у девушки-разносчицы, подошедшей к нашему столу, чтобы убрать опустевшие тарелки, кому принадлежал тот дом «рядом с воротами». Та только плечами пожала, собрав пустые тарелки на деревянный поднос и исчезая за дверью кухни, но минут через пять к нам подсел пожилой крестьянин.

Боязливо косясь на плавающий в воздухе магический светлячок, он негромко поведал историю, подобную которой частенько можно услышать на границе – полюбила девка пригожего парня, до свадьбы, как водится, не дотерпела – вот и нагуляла себе ребенка. А парень, не дожидаясь, пока к нему придет обозленный отец с братьями «возлюбленной», чтобы «призвать к порядку», сбежал из деревни в тот же день, как узнал о своем будущем отцовстве. Кончилось все тем, что девка, не доносив толком дитя, раньше срока разрешилась от бремени, бросив новорожденного в лесу, даже и не глянув, мальчик родился или девочка. Вроде бы – нет ребенка, нет и позора, да только спустя месяц повадился кто-то приходить под окна дома, плакать да просить наречь именем. Несостоявшаяся мать тогда едва заикой от страха не стала, когда поняла, что под окна приходит ее брошенное дитя, а когда мужества набралась, чтобы имя сказать, ошиблась. Не угадала с полом ребенка, назвала мальчика Иженией, с той поры в доме стало жить попросту невозможно – приходил игоша под окна еженощно, и теперь не только пла-

кал, но и скребся в запертые ставни, стучал во входную дверь и шастал по крыше, не давая жильцам сомкнуть глаз.

– Госпожа ведунья, помогите, а? Сложно нам ютиться по родне, а второй дом поставить еще нескоро сможем. Освободите душу ребенка от скитаний, дайте ему покой...

– И вам заодно, – вздохнула я, машинально вертя в пальцах искусно выточенную деревянную вилку.

– И нам. А кто без греха, госпожа ведунья?

– Никто, наверное. Детей в лесу не все бросают, правда, но тут каждый перед своей совестью в ответе. – Я переплела пальцы и посмотрела в глаза крестьянина. – Рассказывайте подробности. Постараюсь помочь, чем смогу.

В конце концов, оставлять в деревне потенциально опасную нежить мне не хочется. Слишком уж часто случалось так, что княжеские ведуны закрывали глаза на «безобидную» нежить навроде расшалившихся не в меру банников, сковывавших глупым девкам пальцы стальными кольцами, когда те гадали на судьбу в бане, или же летавиц, незаметно крадущих здоровье у детей. А через год те же самые ведуны хватались за голову, не понимая, откуда в мирной благополучной деревеньке взялось логовище нежити, не дающей нормально жить и работать людям. Оттуда и взялось. Просто когда-то дипломированному, хорошо обученному ведуну показалось, что возиться с относительно безобидным духом умершего ниже его достоинства.

Я внимательно слушала собеседника, изредка уточняя де-

тали, а потом откинулась на спинку стула, продолжая вертеть в пальцах порядком замученную вилку. Посмотрела на пожилого мужчину, нервно комкающего шапку, и вздохнула. Помогу я, куда денусь, лишь бы опять Данте не вмешался со своей сверхзаботой. Тут не с хищной нежитью разбираться, где лишний клинок лишним не бывает, а упокаивать беспокойного призрака, вся вина которого в том, что мать оказалась настолько глупой или жестокой, что бросила своего дитя умирать в лесу. Вот и вернулась душа ребенка беспокойным игошей, призраком, довольно безобидной, но весьма докучливой нежитью, от которой можно избавиться, одарив именем, угадав при этом пол умершего ребенка. Угадаешь – игоша навсегда обретет покой, нет – будет всю жизнь под окном или у порога поджидать и плакать. И непонятно, кого жальче – игошу или мать-детоубийцу, которая медленно, но верно сходит с ума.

– Ев, а меня ты с собой возьмешь? – робко поинтересовался Ветер, заглядывая мне в лицо. Я улыбнулась, отхлебывая горячий отвар на меду из деревянной кружки.

– В другой раз – непременно.

* * *

Дом, уже с лета как нежилой, встретил нас с Ланнан тишиной, пылью и еле уловимым запахом плесени. Хозяева, как только не получилось «спровадить» игошу от греха по-

дальше, побросали все, не рискуя оставаться в доме после захода солнца. Взяли только самое необходимое – да и перебрались всей семьей на другой конец деревни, к дальним родственникам.

Поначалу хотели сжечь проклятый дом, да только не вышло – сколько не кидали на крышу зажженные факелы и не обкладывали хворостом стены, ничего не вышло. Хворост прогорал дотла, а на гладко оструганных бревнах сруба не появлялось ни пятнышка. Зайти же внутрь крестьяне побоялись, а местная знахарка, покрутившись вокруг, прямо заявила, что не возьмет ее сила, и делать ей тут нечего. Мол, будет тут ведун всамделишный, он пусть и возится.

Размышления прервала Ланнан, нетерпеливо дернувшая меня за рукав куртки.

– Ева, мы сюда зачем пришли? Чтобы пыль подметать или ребенка спасти?

Я только страдальчески вздохнула. И зачем я только согласилась взять ее с собой? Ветра я оставила на постоянном дворе под предлогом, что мал он еще, чтобы с нежитью тягаться и путаться у меня под ногами. Данте с огромным трудом убедила в том, что не являющийся магом мне только мешаться будет, да и за мальчишкой присмотреть надо, иначе сбежит пацан в проклятый дом из чистого любопытства и шалопайства – и что из этого выйдет, одному лешему известно. Но вот от компании Ланнан отвертеться не удалось. Дриада почему-то во что бы то ни стало решила караулить

игошу вместе со мной, надеясь решить дело полюбовно после неудавшейся попытки «окрестить» последнего именем.

Обычно в таких случаях призрак невинно убиенного младенца просто не отстает от погубившей его матери до конца ее жизни, плача и крича под окнами ее дома еженощно, причем переезд вопрос не решит. Ребенок будет следовать за матерью везде и всюду. Но тут ситуация вообще непонятная – почему-то игоша остался при доме, а не при матери, и не просто плакал под окнами. По рассказу хозяев выходило, что поначалу все было, как описано в фолианте «Призраки и духи умерших» – в первую ночь спать не давал плач младенца, но на следующую им слышался уже радостный, залихватый смех. На третью ночь девка, тайком родившая дитя и оставившая его в лесу, с ужасом слышала сквозь сон шаги под дверью спальни. Тихие, но отчетливые, как будто под дверью взад-вперед бегал босоногий малыш. Шаги то приближались, то отдалялись, но на счастье над дверью висел небольшой оберег в виде лошадиной подковы, простенький, но заговоренный по всем правилам. Видимо, он и спас в ту ночь жизнь непутевой девушки, поскольку поутру под дверью ее спальни нашли загрызенную кошку. На что был похож трупик – оставалось только догадываться, но, по словам очевидцев, понять, что раньше это была кошка, можно было только по заляпанному кровью полосатому хвосту.

– Ланнан, спасать-то тут особо некого, – мрачно ответила я, проходя в темную, пыльную горницу и зажигая под потол-

ком несколько ярко горящих колдовских светляков. Оглянувшись, подыскивая место почище, но в конце концов решила, что если убрать с дощатого пола широкую плетеную дорожку, то пол окажется хотя бы не покрытым слоем пыли.

– По-твоему, невинная душа ребенка – это «никто»? – поинтересовалась дриада, все же помогая мне убрать дорожку с пола. В четыре руки мы кое-как свернули разноцветный коврик, а потом я выудила из сумки смесь соли и кое-каких трав и начала выстраивать бережный круг.

– Знаешь, у нас просто разные представления о том, что такое нежить. Просто тут что-то не совсем обычное, это уже не просто обиженный матерью ребенок, душа которого не может найти покоя. И не безвредный дух – они кошек в кровавое месиво не превращают. – Я стала тщательно высыпать заговоренную соль из мешочка, следя, чтобы линии были по возможности ровные. Треугольник, вписанный в круг. Достаточно большой, чтобы мы с Ланнан вдвоем в нем поместились, но с комфортом расположиться в нем сидя все равно не получится. А еще нужно торопиться – солнце вот-вот сядет окончательно, а сразу показываться на глаза игоше мне не хотелось. Да и непонятно, как он себя поведет, если нас увидит. Может – кинется сразу, а может вообще не появится, тогда целая бессонная ночь насмарку.

Я настолько увлеклась выстраиванием бережного круга, что не сразу поняла, что у меня спрашивают, и слышала лишь тогда, когда дриада повторила вопрос погромче.

– ... спрашиваю – ты ко всему настолько категорично относишься?

– Что? – я наконец-то высыпала последнюю порцию соли, закончив символ, и первая ступила в центр треугольника. Ланнан последовала за мной, ухватив меня за локоть.

– Я просто интересуюсь, на каком поводке ты держишь Данте, если он даже шаг от тебя в сторону ступить боится?

Если бы я в этот момент рисовала круг или плела заклинание, то у меня выпала бы соль из рук или нарушились бы чары – настолько я была изумлена. Ничего себе – смена темы разговора. А дриада только вздернула подбородок, глядя на меня сверху вниз.

– Ты не отпускаешь его от себя, но и к себе не даешь приблизиться. Как собака на сене – ни себе, ни другим? Или он тебе дал какое-то обещание, а ты не хочешь его освободить?

Угу, обещание. Клятва Ведущего Крыла своей королеве. Могла бы – давно освободила.

– От меня-то тебе что надо? – устало поинтересовалась я, прикрывая глаза и скороговоркой зачитывая заклинание, активирующее обережный круг. Второе заклинание, более короткое, но с более мощным вливанием силы – в треугольник, делающий нас невидимыми и неслышимыми для нежити.

– Чтобы ты перестала ему указывать, что делать и как быть.

Интересно, она это серьезно? Судя по ее лицу – да. Неужто угораздило дриаду запасть на аватара? Если так, то

могу только посочувствовать. Только пока не знаю, кому именно – себе или ей.

– Если бы я могла... – Волшебные светляки под потолком медленно гасли один за другим, погружая горницу во мрак. Заколоченные ставни делали умерший дом похожим на склеп – темно, сыро и холодно. Тишину нарушало только наше дыхание, а еще – постепенно стихающий с наступлением ночи шум жизни за стенами.

– Открою тебе небольшую тайну. Данте всегда сам решал, что ему делать и как поступать. – За исключением тех случаев, когда ему отдавал прямой приказ король. Или королева, если уж на то дело пошло. Но посвящать дриаду в такие тонкости я не собиралась. – Так что если у тебя не хватило обаяния на его оболыщение, то проблема не во мне. Я его не держу.

Да и не смогла удержать, когда хотела.

– Вот, значит, как... – в тишине ее голос почему-то показался мне уже не таким обвиняющим. Скорее – сочувствующим. Может, все дело в том, что сейчас я высказывала вслух то, о чем постоянно думала, но не решалась принять, как должное?

– Примерно, – я поежилась, кутаясь плотнее в куртку. Нетопленный дом на исходе второй декады листопада – это почти гарантированная сырость и холод, и если раньше у меня лишь слегка мерзли кончики пальцев на руках, то сейчас щеки ощутимо покалывало морозцем. – Данте свободен ров-

но настолько, насколько это позволяет ему его долг. У меня нет ни прав, ни возможностей повлиять на это. Он меня защищает — потому что должен и потому, что хочет меня защитить, но всё же...

Я осеклась, потому что услышала какой-то посторонний звук в глубине покинутого дома. Ланнан за моей спиной напрыглась, и мы обе инстинктивно отодвинулись от линий заговоренного треугольника, не желая раньше времени обнаруживать свое присутствие. Что-то скреблось по полу где-то за печью, и я готова была руку дать на отсечение, что это немышь.

Откуда-то повеяло холодным сквозняком, который принес с собой запах пыли, плесени и еще чего-то, что я не сразу смогла распознать, но дриада за моей спиной вдруг вздрогнула и прижалась ко мне, будто бы ища поддержки, когда в пустом доме раздался тихий смешок.

Хлопнула дверь, и я услышала, как по полу зашлепали маленькие босые ножки.

Скрипнула половица у печи. Шаги «обошли» нас с Ланнан, и скрылись где-то в сениях, а я только тогда заметила, что слишком четко вижу сквозь темноту, сгустившуюся вокруг. Значит, опять у меня вместо глаз черное зеркало, характерное для айранитов, и ничего удивительного в этом нет.

Потому что сейчас мне было действительно страшно.

И дело было даже не в том, что вокруг темно, а где-то рядом бродит невидимая пока что нежить, нет. Дело было в

самой обстановке дома. Было ощущение, что нечто жуткое угнездилось тут настолько прочно, что даже если мы справимся с «выселением» игоши, то дом придется спалить от греха подальше, а то еще неизвестно, что тут завестись может. Ничего хорошего и доброго – однозначно.

Звонкий детский смех раздался рядом так неожиданно, что я вздрогнула и едва не заорала от страха. Судя по всему, дриада собралась сделать то же самое, но не успела. У меня тоже язык прилип к горлу, когда я увидела всего в шаге от нарисованного солью круга бледного голенького малыша, стоящего на четвереньках и как-то странно водящего носом по полу.

– Ева, ради всего святого, скажи, что оно нас не видит и не слышит, – срывающимся шепотом произнесла Ланнан у меня за спиной, стискивая мою ладонь.

– Не должно. Но следы наши оно явно почуяло, – замогильным голосом сообщила я, высвобождая правую ладонь и готовя боевое заклинание. – У тебя еще есть желание спасти это невинное дитя?

Молчание мне было ответом. Я сочла это за призыв к действиям и бросила беглый взгляд на осторожный круг, проверяя его сохранность. Хочется верить, что эта тварь, когда-то бывшая игошей, а сейчас перешедшая в разряд «хищной нежити», тут одна. Безумно хочется.

Я отвела взгляд от нежити всего на миг.

И этого хватило, чтобы я пропустила ее исчезновение.

Сердце камнем ухнуло вниз, тишина давила на уши, как невидимая подушка, настолько сильно, что шум крови и нервное, прерывистое дыхание Ланнан за спиной казались оглушающе громкими.

— А к-к-куда он-н-но дел-л-лось? — похоже, дриада от таких фокусов начала заикаться. Честно говоря, боюсь ей отвечать, потому что язык еще не слушался, а нахождение в темном замкнутом помещении с хищной нежитью, умеющей перемещаться в пространстве в мгновение ока, отнюдь не способствовало храбрости.

Знать не знаю, но мне это не нравится. Очень.

Снова слышались приглушенные шаги. Но раздавались они оттуда, откуда я их совершенно не ждала услышать.

С потолка, стремительно приближаясь с каждой секундой.

Комок синего огня ударил вверх, пробивая дыру в добротных досках и озаря мертвенно-голубым светом сидящего вниз головой на потолке ребенка, личико которого вдруг преобразилось в жуткую маску, после чего нежить, не раздумывая, свалилась на нас сверху.

Как я успела отскочить в сторону — не знаю. Воздух вокруг вспыхнул клубами яркого, чуть зеленоватого света, а через секунду силовая волна, сброшенная Ланнан на нежить, отбросила кажущееся хрупким тельце к стене, хорошенько припечатав того к бревнам. Раздался обиженный всхлип, после чего игоша оттолкнулся от стены невесть откуда взявшись на крошечных пальчиках коготками и пополз ко мне

на четвереньках так стремительно, что я не успела не то что вскочить на ноги – комком пламени запустить.

Нежить прыгнула на меня, метя в горло зубами, похожими на частую пилу, и единственное, что я успела сделать – это подставить руку, защищая лицо и шею.

Мне никогда не пытались отгрызть эту столь любимую мною конечность, но сейчас этих малоприятных ощущений мне перепало в полной мере. Зубы нежити продрали толстый рукав меховой куртки, и сейчас увлеченно жевали мою левую руку чуть ниже локтя. Я взывала от боли, и с размаху ударила тварь об пол, надеясь, что успею отцепить ее раньше, чем она отгрызет мне руку с концами.

Повезло.

От удара об пол, сдобренного магией, игоша отцепился и скользнул было в сторону печи, но его перехватили странно светящиеся жгуты изумрудно-зеленого цвета. Обвили так, что из вырывающегося и вопящего тельца получился плотный кокон, а потом запульсировали режущим глаза светом и сдавили содержимое «кокона» так, что мне послышался хруст костей.

Пылающий синим пламенем шар врезался в месиво светящихся лоз, грянул взрыв, в котором потонул тонкий детский вопль...

А потом все стихло – только пепел сероватыми хлопьями осыпался на закопченный деревянный пол. Я села там, где стояла, зажимая разодранную зубами нежити руку и ту-

по глядя перед собой.

– Ничего себе... изгнали привидение...

– Безобидное такое... – нервно хихикнула Ланнан, помогая снять куртку и накладывая поочередно кровоостанавливающее и обезболивающее заклинания. Я вздохнула посвободнее, когда боль, вцепившаяся в руку, утихла, и благодарно взглянула на дриаду. Та ответила мне понимающим взглядом и принялась перевязывать жутковато выглядящую в зеленоватом свете рваную рану, оставленную зубами нежити. – Радуйся – до кости эта мерзость добраться не успела, скажи спасибо куртке. Значит, заживет. Учítывая, что ты айранит – слишком долго ждать не придется.

– Радуюсь... – выдохнула я, оборачиваясь на шум у входной двери. Обычные людские возгласы – неужто местные реши́ли проведать, что же тут так вопи́ло и грохотало минуту назад?

В дверях нарисовалась мрачная фигура аватара с неизменным двуручным мечом наперевес. Для того чтобы оценить обстановку, ему хватило и пяти секунд, после чего цепкий взгляд черных с серебром глаз впился в кустарное подобие повязки, которое Ланнан накладывала на мою руку.

– Как прошло изгнание «призрака», госпожа ведунья? – холодно поинтересовался он, убирая меч и не двигаясь с места, чтобы не дать любопытствующим войти. Ну, хоть за это спасибо.

– Результативно, – выдохнула я, вставая с заляпанного

кровью, солью, грязью и еще чем-то малоприятным пола и шагнула к двери, придерживая повисшую плетью левую руку. Пальцев я не чувствовала. Обычный побочный эффект от обезболивающего заклинания, но лучше уж так, чем тихо выть от боли. Ничего, шанс у меня еще будет – когда действие заклинание прекратится. Пользоваться им часто нельзя – наступает нечто вроде привыкания, да и на организм оно не слишком благотворно влияет, значит, придется терпеть. – Нежить мы упокоили.

– Видно невооруженным глазом, – он посторонился, пропуская меня на свежий воздух, который после пребывания в заброшенном доме показался глотком животворящей воды.

Дриада вышла следом, с беспокойством косясь на окровавленный рукав моей рубашки, спасибо хоть, что куртку мне на плечи набросила, а то я о ней совершенно позабыла, все еще прокручивая в голове произошедшее. Не мог это быть игоша, попросту не мог. А что могло? Понятия не имею, но ощущение, что хозяева нам солгали, рассказывая о своей «небольшой проблеме». Больше на подменыша похоже...

А если?...

– Ланнан, – тихо простонала я. – Я этих идиотов поубиваю. Лично, больше никому не доверю.

– Что так? – дриада немного нервозно оглянулась за плечо, я даже поворачиваться не стала – и так знала, что Данте следует за нами, наверняка с огромным желанием как мини-

мум прочитать мне лекцию о вреде самоубийственных выходов.

– В доме не игоша, а подменыш засел. По крайней мере, похоже на то. А значит, наврали нам об обстоятельствах этого дельца.

Дриада негромко выругалась. В нескольких шагах за спиной что-то угрожающе скрипнуло. Похоже, тесно пообщаться с жильцами злополучного дома хочу не только я одна.

Подменышами считаются существа, которых мелкая нечисть оставляет взамен похищенного из колыбели ребенка. Обычно детей воруют кикиморы или лешие, но случается это настолько редко, что подобные случаи можно по пальцам пересчитать. Должно было случиться что-то совсем из рук вон выходящее – скажем, чтобы мать сама пожелала отдать свое дитя нечисти, сопроводив это пожелание неким «скреплением договора». А на следующий день мать как бы невзначай «натывается» на вывороченный из земли пень, под которым виднеется запрятанный кем-то клад – вроде «приданого» подменышу.

Дитя нечисти живет с «приемной» матерью ровно год, а потом пропадает в лесу, но не дай то всевышний за этот год обидеть ребенка – получится как раз то, с чем мы столкнулись в заброшенном доме...

– Да ладно, обошлось же всё, – неуверенно пробормотала я, медленно поднимаясь по скрипучим ступенькам вслед за дриадой на порог корчмы, когда меня все же «повело», и я

едва не стукнулась головой о добротный косяк.

– Обошлось, говоришь? – тихо, сквозь зубы прошипел Данте, ловя меня под руки и почти затаскивая внутрь, в живительное тепло хорошо протопленного дома.

– Можно, я с тобой попозже поругаюсь? – выдавила я, ощущая, как кончики пальцев покалывает сотня противных «иголочек». – Похоже, действие обезболивающего заклинания заканчивается, а мне еще руку обрабатывать надо.

– Я постараюсь стянуть края раны магией, так что надеюсь обойтись без швов, – дриада на ходу закопалась в моей сумке, которую перекинула через плечо, когда мы покидали «поле боя».

Как меня усаживали на кровать и стягивали успевшую пропитаться кровью рубашку – помню плохо, потому что действие обезболивающего заклинания окончилось, и мне стало совсем несладко. В памяти копошились только какие-то обрывки – испуганные глаза Ветра, когда он подтаскивал кувшин с горячей водой, а на стол ложились один за другим окровавленные обрывки ткани, пропитанные отварами...

Глава 5

Холодный дождь пополам с мокрым снегом падал с серых, затянутых унылыми тучами небес, превращая дорогу в раскисшую ледяную грязь с колдобинами, стремительно наполнявшимися мутной водой. В такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит, пусть даже эта собака уже стара и немощна. Пожалеет.

Данте же стоял под этим дождем с непокрытой головой, без куртки, и смотрел туда, где чернела зубчатая кромка елового леса. Одинокая мрачноватая фигура на фоне серой пелены последнего, по-видимому, в этом году по-настоящему сильного осеннего ливня. Распущенные волосы намокли и прилипли к когда-то темно-серой, а сейчас почти черной рубашке, занавесили лицо сосульками прядей. Он стоял ко мне вполоборота, и, казалось, не замечал вообще ничего вокруг.

Только он – и холодный ливень, льющийся с небес.

Совершенно один.

В груди у меня нехорошо так заныло, висевшая на перевязи левая рука стрельнула острой болью. Раньше я винила его в том, что он отказался от меня ради долга. В том, что для него нет ничего важнее на этом свете, чем быть Ведущим Крыла, защитником Андариона. Не имеющего ни имени, ни лица, ни сердца. Без права на любовь и привязанность. Но сейчас...

Сейчас я особенно остро ощутила его одиночество в этом мире. Когда нет никого, к кому можно было бы прийти, когда весь окружающий мир рушится на куски. Когда некому облегчить твою ношу и утишить боль от ран. Когда везде и всюду – только сам. Потому что никто больше не справится. И если честно – не позволит Ведущий Крыла сделать за себя хоть что-то.

Я многое дала бы, чтобы понять, что сейчас творится за этой маской, которая сейчас у него вместо лица. За право подойти к нему – и, набросив на плечи слишком короткий для его роста плащ, согретый моим теплом, увести поближе к живому очагу дома. За возможность снять с него хотя бы часть того груза долга и ответственности, который он несет на своих плечах изо дня в день, из года в год. И так все то время, что он ведет за собой аватаров.

Блеснула молния, расколовшая тусклое небо пополам, на миг озарив неподвижную фигуру с чуть опущенными плечами, как будто их оттягивала уже привычная тяжесть широких черных крыльев. Ему так неуютно изображать из себя человека, быть человеком. Ходить по земле, а не парить в воздухе, соревнуясь с ветром в скорости и свободе – это не для него. Запоздав на несколько секунд, гром ворчливо зарокотал где-то в стороне. Похоже, что дождь уходит в сторону реки, как раз туда, куда нам и надо бы... Ничего, мы подождем.

Его пальцы сжались, словно охватывая рукоять меча, и то-

гда я не выдержала – вышла из-под козырька крыши под проливной дождь, на ходу развязывая шнурки, стягивавшие горловину непромокаемого плаща. Быть может, я сейчас вмешаюсь туда, куда не следует. И, скорее всего, удостоюсь холодного взгляда, чуть приподнятой брови и вопросительно-раздраженного «Королева?».

Пусть. Только бы он знал, что не один. Остальное уже не так важно.

Я подошла ближе и, неловко стянув плащ, кое-как, одной рукой умудрилась набросить его на плечи Данте, успев заглянуть в его лицо за секунду до того, как оно сменило выражение на почти привычное прохладно-вежливое.

И то, что я успела увидеть, засело в памяти раскаленной иглой – такое чувство вины отражалось в его глазах. Я никогда не видела, чтобы он настолько злился на самого себя. И из-за чего только? Из-за того, что меня несильно погрызла нежить, прочно обосновавшаяся в покинутом доме?

Нет, тут что-то более сильное, более глубокое.

Он вздрогнул и посмотрел на меня. Черные пряди волос облепили узкое лицо, делая взгляд пронзительным, как лезвие ножа, а тонкий шрам на щеке побелел, словно он делал над собой невероятное усилие, чтобы сохранить на лице эту вежливую, нейтральную маску.

Я, не обращая внимания на постепенно стихающий дождь, капли которого уже намочили мне волосы и сейчас беспрепятственно стекали за шиворот, стянула здоровой ру-

кой горловину плаща на его шее. Заглянула в лицо.

Просто хочу, чтобы ты знал. Ты не один.

– Еваника, не стой, пожалуйста, под дождем, – наконец-то выдохнул он сквозь сжатые зубы, с трудом, как мне показалось, проглотив обращение «королева». Я лишь качнула головой, запрокидывая лицо так, что по нему стекали ледяные капли. Промерзну, как пить дать, но хотя бы не заболēju – все же, айраниты крепче людей. Тихо проговорила, не отпуская складок плаща, на котором уже проступали влажные пятна.

– Ты ведь стоишь... – я потрянула головой, пытаюсь смахнуть с лица намокшую челку, но получилось только хуже.

– Из нас двоих именно тебя едва не загрызла нежить, – он осторожно коснулся моей пострадавшей руки, как следует забинтованной и находящейся в сооруженной из цветного платка «люльке». – И это тебе не стоит гулять под дождем. А что до меня – так мне это лишь помогает сосредоточиться.

– Сосредоточиться на чем? – Я придвинулась ближе, и моя правая ладонь, наконец-то отпустив складки плаща, скользнула по намокшей рубашке на его груди. Холодной и сырой настолько, что я удивилась, как его все еще не бьет дрожь.

– На мыслях, – он поймал мою ладонь своей, горячей, несмотря на осенний холод и стихающий уже дождь. – И всё же тебе стоит пройти в дом. Простынешь. – Данте, не слушая моих протестов, подхватил меня на руки так легко, будто бы я ничего не весила, и понес под крышу, с края которых осыпались ледяные капли.

Поставил меня на ноги и, приоткрыв дверь, деликатно втолкнул внутрь, заходя следом. Уже в прогретых сеньях наконец-то сбросил с плеч основательно промокший «дареный» плащ, и устало посмотрел на меня, убирая с моего лба прилипшую челку. На миг задержал руку, погладив по щеке кончиком пальца.

Жест ненавязчивый, но мне почудилось, что он вложил в него несколько больше, чем простую заботу о промокшей вдрызг упрямой ведунье, которая по дикому стечению обстоятельств оказалась его королевой. А я стояла, не зная, что сказать.

Ночью, когда дриада возилась с моей рукой, стараясь сделать все возможное и невозможное, чтобы глубокая рваная рана зажила как можно скорее, а я не очень долго ощущала себя беспомощной, Данте мрачно подпирал плечом дверной косяк. Не говоря ни слова, не вмешиваясь в процесс и просто наблюдая за процедурой, но взгляд с каждой брошенной в тазик для умывания окровавленной тряпкой становился всё острее. Ветер крутился рядом, выставляя на табуретку у кровати ряд бутылочек и эликсиров, постоянно бегал вниз за новым кувшином горячей воды, а я тупо смотрела в потолок, стараясь не пугать друзей чересчур проникновенными завываниями. Обезболивающее заклинание пришлось накладывать еще дважды – слишком быстро заканчивалось его действие, а «оттаивающие» нервы с каждым разом ныли всё сильнее.

Ланнан вместе с Ветром справилась за час. Мне же показалось, что возились они почти вечность. В результате рана была промыта двумя обеззараживающими эликсирами, края стянуты заклинанием дриады, а в довершение всего аккуратно наложенную повязку пропитали заживляющим зельем, но моим друзьям показалось, что и этого недостаточно. Впрочем, недельный постельный режим я отвергла сразу, ограничившись одним днем отдыха. На меня посмотрели, как на сумасшедшую, а в довершение всего Данте заявил, что с удовольствием послушает, как я запою, когда действие обезболивающего заклинание окончится. Я тогда только скептически хмыкнула, а зря.

Через полчаса я уже кусала уголок одеяла, ощутив, как отступило заклинание, и онемевшие пальцы закололо сотнями иголок. И это было наименее неприятным ощущением из всех возможных. Рану жгло огнем, и мне чудилось, будто бы чуть пониже локтя висит какая-то зубастая гадина, время от времени с упоением шевелившая челюстями туда-сюда. Плюс ко всем радостям, к мизинцу на пораненной руке и ребру ладони так и не вернулась чувствительность, как будто на них всё еще воздействовало обезболивание. Тогда я подумала, что это всего лишь побочный эффект, но утром я убедилась, что онемение никуда не делось – видимо, зубы подменыша всё же зацепили нерв, отвечающий за тактильные ощущения, и когда он восстановится – неизвестно, если восстановится вообще.

– Еваника, тебе пора сменить повязку, – негромко сказал Данте, внимательно оглядывая проступившее сквозь бинты кровавое пятнышко. Я вздрогнула и посмотрела на него.

Ночью мы с ним впервые за всё время нашего знакомства всерьез поругались. Настолько, что устав от попыток отстоять свое право заниматься тем, чем обычно занимаются ведуньи, я беззастенчиво воспользовалась своим правом королевы и отдала Данте приказ убираться ко всем чертям из моей комнаты и не продолжать более эту бессмысленную перепалку. Причина? Он высказал мне всё, что думает о моей безалаберности, которая могла без особых усилий лишит Андарион королевы. Это-то меня и зацепило. Что волновался он не обо мне, а о том, что его обожаемое небесное государство может остаться без истинного правителя. Вот и я повела себя, как королева. По крайней мере, мне так казалось на тот момент. Это позже, когда с треском захлопнулась дверь за аватаром, я поняла, что показала себя не королевой, а задетой за живое девочкой-подростком, которому не дают делать всё, что заблагорассудится.

Королева приняла бы критику к сведению и в будущем вела бы себя более осторожно, понимая и принимая свою важность для народа целого королевства, и, быть может, вернулась домой, предоставляя драконам вызволять Вилью. Но к Алексею Вестникову я еду сейчас не только из-за пострадавшей подруги, а еще потому, что без помощи человеческих ведунов нам вряд ли удастся отыскать Источник тем-

ного пламени, а пока он существует, никто в смежных с ним землях не сможет спать спокойно. Незадолго до того дня, когда Аранвейн прилетел за мной, очаг темного пламени прорвался рядом с Андарионом. Два дракона, оставшиеся в королевстве айранитов в качестве послов доброй воли и помощников при окончательном восстановлении города, запечатали прорыв намертво до того, как злая сила земли успела отравить пространство вокруг, но перспектива обеспокоила как айранитов, так и драконов. Конечно, сам город расположен на прочной горной породе, и прорыв темного пламени вряд ли случится где-то на улицах Андариона, но вот в смежных шахтах или подземных постройках – запросто. И отрицать такую возможность было настолько же глупо, как сидеть на дымящемся вулкане и утверждать, что извержения не будет. Будет, еще как. Другой вопрос – когда?

– Сменю. Как только Ланнан вернется. Они с Ветром ушли за обновками – оба одеты по эльфийской моде, но для русской осени она не подходит. – Я по привычке развела руками, ойкнув от стрельнувшей чуть ниже локтя боли.

– Не представляешь, как бы мне хотелось запрятать тебя подальше от всего этого в лесах поглуше, – он еле слышно вздохнул, не отрывая от меня усталого взгляда. – Но ты ведь и там найдешь себе приключения.

– А как же Андарион? – Невесело усмехнулась я, и осеклась, глядя на его моментально помрачневшее лицо.

– Если бы я заранее знал, чем всё закончится – на полет

стрелы не подпустил бы тебя к Небесному Колодцу.

Я замолчала, не зная, что ответить. Впервые на моей памяти Данте вслух пожалел о том, что мне пришлось стать королевой. Что если бы я не упала в Небесный Колодец, то все могло сложиться иначе.

Если бы...

Наверное, самые жестокие слова. Потому что эти «если» могут перевернуть жизнь с ног на голову, не давать покоя ни днем, ни ночью, заставляя мысли крутиться по замкнутому кругу – «А что, если...». Что, если бы можно было обратить время вспять? Если была бы возможность исправить то, что уже случилось?

К сожалению, а, быть может, к счастью – но пути назад уже нет. Потому что, исправив ряд ошибок в прошлом, которые не дают покоя в настоящем, можно совершить еще более страшные ошибки. Убегая от одних проблем, легко можно нажить другие. Глупо пытаться обмануть судьбу. Равно как и опускать руки, вверяя себя бурному течению жизни.

Входная дверь со скрипом отворилась, и на пороге появился Ветер, уже одетый более-менее по погоде, и сразу же радостно заявивший о том, что Ланнан нашла человека, который завтра с утра отправляется с телегой товаров в Ижен, и сейчас договаривается о том, чтобы он взял нас четверых в попутчики. Зная дриаду, можно было не сомневаться – уболтает она торговца, да еще и так дело обставит, что тот нам еще за компанию приплатит.

– Зато хотя бы не своими ногами топать, – вздохнула я, потрепав мальчишку по голове. Тот уклонился, но уже больше по привычке – после того, как он помогал меня штопать после нападения нежити, относиться ко мне он стал как-то более уважительно.

– По-хорошему, тебе бы еще неделю постельного режима, а не в промозглый холод на земле ночевать, – негромко отозвался Данте, ненавязчиво подталкивая меня в сторону горницы.

– Если напросимся в обоз – то и не придется. Думаю, что местечко в телеге мне найдется. А чем быстрее мы до наставника доберемся – тем лучше. Его заживляющие снадобья только вытяжка из огнецвета переплевывает, и то не в любом случае.

– Если я хорошо помню карту Росского княжества, то до твоего наставника нам еще ехать и ехать. Даже если пробираться самым коротким путем – через Болотную Окраину – то это все равно пара недель с учетом возможных не запланированных остановок. – Аватар был сама вежливость, но за каждым словом скрывалось раздражение. Знаю, я его уже успела достать настолько, насколько это вообще возможно. – А климат там из-за близости к протокам Вельги-реки очень сырой и холодный, особенно в первой декаде грудена.

– Короче, ты что сказать пытаешься? Что у меня ревматизм разыграется? – Я скользнула в приоткрытую дверь горницы, усаживаясь на небольшую лавку у самой печки и осто-

рожно снимая куртку, стараясь лишний раз не бередить рану. Как я уже успела выяснить с раннего утра – боевые заклинания у меня получаются так же хорошо, как и раньше, но вот из-за невозможности толком воспользоваться пальцами левой руки их точность снизилась процентов на двадцать. Нет, комки синего огня, по-видимому, будут летать так же, как и раньше, но вот с цепными молниями и огненными дугами лучше повременить – улетит заклинание непонятно куда и непонятно в кого – и соображай потом, как выкручиваться.

– Только то, что твоя левая рука будет ощущать себя далеко не самым лучшим образом. – Данте пропустил вперед себя Ветра и прикрыл дверь, по привычке прислоняясь к слегка рассохшемуся от времени косяку.

– Это я и без тебя знаю. Сходи лучше переоденься, неизвестно, когда тот торговый человек захочет отправиться в путь.

– Если ты считаешь, что он настолько глуп, что захочет ехать на ночь глядя, то могу сказать только одно – либо ты держишь торговых людей за совсем уж идиотов, которыми они вряд ли являются, иначе не были бы торговцами. Либо, – Данте сделал паузу, делая шаг в сторону за секунду до того, как дверь распахнулась и в горницу вошла улыбающаяся дриада, – ты зачем-то *чересчур* торопишься к своему наставнику.

– А у меня хорошие новости! – Ланнан поманила к себе

девушку-разносчицу и попросила ее принести в горницу самовар с кипятком и испеченные с раннего утра пироги – идти в общий обеденный зал никому из нас не хотелось, да и поговорить было о чем, без желания отвлекаться на посторонние возгласы. – Нас берут в обоз, хотя от обоза там одно название – две телеги да одна подвода, торговец и четыре человека в сопровождение. Да и с оружием они знакомы постольку-поскольку, поэтому, когда я предложила хозяину услуги двоих магов с подмастерьем, он согласился с радостью. Да еще и приплатить в Ижене обещал, если мы его самого и товар в Маровой Лещине сбережем.

– Не вопрос, – хмыкнула я, украдкой потирая левую ладонь и в очередной раз убеждаясь, что онемение никуда не делось. Как не чувствовал мизинец ничего – так и не чувствует.

– Ев, кстати, как твоя рука? – вкрадчиво поинтересовалась Ланнан, наблюдая за моими манипуляциями. – Тебе полежать бы надо, отдохнуть...

– Не надо, наотдыхалась уже, – отмахнулась я, глядя на то, как две девушки-разносчицы накрывают на стол, ставят разогретый, пышущий жаром самовар на березовых углях, а потом приносят большое деревянное блюдо с подогретыми пирогами.

Замечательное у них тут обслуживание. Даже боюсь спрашивать у Данте, что и как он сказал местному корчмарю ночью, пока я спала, если с нас поутру начали сдвигать пылин-

ки и без вопросов предоставили пострадавшей, то есть мне, отдельный стол в горнице. Пока Ланнан разливала по деревянным кружкам душистый липовый отвар, добавляя по паре ложек темного гречишного меда, я помогала Ветру разбирать записки наставника. Он дошел до того места, где Алексей Вестников описывал Гномий Кряж, а эти страницы мало того, что были исчерканы настолько неровным почерком, будто бы наставник писал, пристроив пергамент на колене, так еще и походная жизнь наложила на них свой отпечаток. Где-то чернила расплывались от капель не то дождя, не то отвара, в одном месте целое слово было смазано, но все же могло быть прочитано... В общем, от потрепанной книжицы мы с Ветром оторвались только когда Ланнан без разговоров отобрала у нас «светоч знаний» и придвинула поближе кружки с ароматным настоем и блюдо с пирогами.

– Вам есть надо, а не с книжками возиться. По крайней мере, сейчас. Ева, тебе вообще надо усиленно питаться, чтобы побыстрее выздороветь, а будущему ведуну тем более, ему еще расти и расти.

Мы с Ветром подняли головы и, переглянувшись, дружно послали дриаду по извилистым тропкам к лесному царю, после чего с чувством выполненного долга вернулись к потрепанной книге. Впрочем, изучение дневника Алексея Вестникова не помешало нам слопать добрую половину пирогов с деревянного блюда, запивая их горячим отваром. Интересное дело – но минут через двадцать меня начало клонить в

сон с такой силой, что я справедливо заподозрила Ланнан в партизанской деятельности. То-то мне вкус отвара показался подозрительным – ведь наверняка дриада подсыпала туда сонного зелья, чтобы я хотя бы денек в постели полежала. А вот и не дождетесь! Я всё же айранит, снотворное на меня действует слабее, чем на человека, а в чародейской сумке лежит хороший нейтрализатор. Только бы добраться... Я не могу спать сутки напролет...

Встать мне удалось, добрести до лестницы, пошатываясь, как пьяная – тоже, но на второй ступеньке я едва не упала. Светлые небеса, сколько же Ланнан вбухала сонного зелья в этот отвар?! Небось столько, что человек запросто мог бы заснуть и не проснуться...

Чьи-то руки подхватили меня, не давая упасть, а потом над ухом раздался приглушенный голос аватара:

– Еваника, поверь, это для твоего же блага. Тебе просто необходимо отдохнуть.

– В гробу... отдохну... – еле слышно пробормотала я, уже проваливаясь в сон и уже не слыша ответ Данте. Последняя мысль перед тем, как сознание окончательно заволгло пеленой дурмана, была о том, что утром мы можем опоздать...

* * *

Свеча на низенькой лавке уже сгорела до половины, украсив глиняную тарелку-подставку потеками ярко-желто-

го воска. Ставни были плотно закрыты, но я и так поняла, что на дворе ночь – слишком уж было тихо, как за окном, так и внизу, в обеденном зале. Такая тишина бывает только в предрассветные часы, особенно в «волчий час», перед самым рассветом, когда ночь идет на убыль, но до третьих петухов еще минут сорок. Именно в «волчий час» нечисть наиболее активна, а не в полночь, как считают большинство людей. Незадолго до рассвета самый крепкий сон, а часовым тяжелее всего не заснуть и выстоять смену. В «волчий час» волхвы проводят самые опасные обряды, а знахарки и гадалки получают наиболее точные предсказания на будущее.

Я с трудом села, протирая глаза. На удивление, голова почти не болела, несмотря на то, что Ланнан опоила меня приличной дозой снотворного – кажется, я проспала целый день и половину ночи, а для того, чтобы уложить айранита спать так надолго, требуется мало того, что сильнодействующий дурман, так и доза, раза в два превышающая нормальную для человека. Ну, дриаде я спасибо еще отдельно скажу. Заодно объясню, почему нельзя опаивать друзей, пусть даже для их блага.

Лепесток пламени пугливо пригнулся к фитилю, почти за-тухая, словно по комнате прошелся легкий ветерок, но потом снова выпрямился, кое-как освещая лавку и цветастую плетеную дорожку на полу. А я задумчиво смотрела на небольшое зеркало, висящее на стене. Предсказание безыменья не давало покоя, осталось холодным камешком на сердце, и что

с ним было делать — я не знала. Рассказать Данте? Возможно, аватар станет еще осторожнее, чем обычно, но вряд ли это поможет. Если не знать, откуда придет возможный удар, то ничего изменить, или хотя бы смягчить не получится.

Кто предупрежден, тот вооружен, так?

За ставнями глухо завывал ветер, ветки старой яблони скреблись о побитые дождями и снегами потемневшие доски, а я задумчиво смотрела на овальное зеркало на стене. Самое опасное гадание зачастую самое верное, и может дать правильный, а главное — точный ответ на мучающий меня вопрос. Если я только найду второе зеркало...

Я соскользнула с постели и, как была — в широкой мужской рубашке с обрезанными рукавами и длиной мне почти по колено — босиком прошла к своей сумке и сунула в нее руку, одновременно шепча заклинание поиска. Если у меня где-то есть зеркальце, то оно непременно найдется.

Искать пришлось минуты две, и я уже успела отчаяться, когда в ладонь мне ткнулось что-то гладкое и холодное. Так и есть — круглое зеркало в серебряной ажурной оправе и на длинной узорчатой ручке. Наверняка Мицарель положила, ведь если бы сумку собирала Хэли, то зеркало было бы поменьше и попроще. Всё же, Верховная Жрица гораздо лучше знает мои вкусы, чем личная фрейлина. Но сейчас то, что зеркало не «карманного» размера только сыграет мне на руку — зеркальный «коридор» получится шире, значит, есть шансы разглядеть всё в подробностях.

Я положила найденное зеркало на кровать и занялась тем, что побольше. Сняла его со стены с помощью левитации, поскольку не была уверена в том, что сумею осторожно отцепить зеркало от гвоздика одной здоровой рукой, и перенесла на лавку, положив рядом со свечой. Немного повозилась, прислоняя зеркало к стене так, чтобы оно отражало кровать и кусок стены у меня за спиной, а потом привязала второе зеркальце за ручку к спинке стула шнурком для волос, затянув узел так, чтобы при необходимости его можно было распустить за секунду. Своего рода подстраховка на тот случай, если я не успею окончить гадание до того, как то, что ползет из зеркального «коридора», подберется слишком близко ко мне. В таком случае спасти нерасторопную гадалку может только укладывание зеркал отражающей поверхностью вниз. Ну, или хотя бы одного из них. Главное – разрушить «коридор».

Пришлось повозиться, прежде я установила два зеркала друг напротив друга так, чтобы они многократно отражали сами себя, в результате чего получался бесконечно длинный туннель со сводами-рамами. Я кое-как уселась на скомканное одеяло перед большим зеркалом, передвинула свечу так, чтобы она освещала мое лицо, но при этом не отражалось в «коридоре», и зашептала заклинание призыва.

Говорят, что при гадании с помощью зеркал в отражении появляется призрак, принимающий облик суженого, на которого-то чаще всего гадают, или же просто какой-ни-

будь злобный дух, который может причинить вред гадающей. Верно и то, и другое, всё зависит от того, что хочет узнать человек у зеркала.

Я хочу узнать судьбу Данте. Не свою. Поэтому хочу попробовать обратиться непосредственно к Прядильнице Судеб, быть может, она откликнется на мой зов и покажет мне то, что сочтет нужным. Лишь бы это помогло мне понять, что делать дальше...

Зеркало отражало мое уставшее лицо с темными кругами под глазами и встрепанными рыжеватыми прядями в качестве обрамления, довольно долго. Свеча успела подтаять и украсить тарелку новыми потеками воска, когда я заметила, что в глубине зеркального «коридора» что-то движется. И это не тени от зыбкого, постоянно колеблющегося пламени.

Фигурка медленно росла, словно человек шел из глубин зеркала, проходя через отражения серебряной и деревянной рам, как через вычурные арки, и с каждым его шагом поверхность зеркала передо мной мутнела. Мое отражение таяло, расплываясь в серебристой дымке, а из тумана начали всплывать картинки из будущего.

...Лужицы крови, растопившие свежесвыпавший снег до самой земли, следы борьбы и множество следов – я словно смотрела себе под ноги, не решаясь поднять взгляд...

Картина скользнула обратно в туман, и сразу же «всплы-

ла» новая – снежный вал, несущийся в лицо, накатывающий, словно волна прибоя, как будто неслась лавина с гор, но откуда ей взяться в просеке посреди леса, в окружении деревьев, где ветру и развернуться-то особо негде? В завывании бури слышится собачий лай, а в бешеном танце снежинок то и дело проявляются очертания своры гончих, сильных, свирепых, берущих любой след и в состоянии загнать любую дичь – будь то зверь, человек или дракон. Страшная свита, мертвая свита, а таковая на всем свете только одна, и является она в ночь на полнолуние на Изломе осени. Но ведь я ясно вижу, что снежинки летят в лицо при свете дня...

Новый взгляд – новая картина. Я успела заметить, что человеческая фигура, идущая ко мне из зеркального «коридора», значительно выросла – если бы не клубившаяся дымка, то я сумела бы разглядеть лицо, а так – только очертания. Еще немного – и наступит тот миг, когда надо разрывать связь и рушить «коридор», а не то проблем не оберешься – с миром духов шутки плохи, их волшебным огнем не отгонишь, да и заклинания не всегда срабатывают. А защитить себя кругом из заговоренной соли я позабыла...

...Вой ветра в ушах, полупрозрачные призраки на конях, чьи глаза горят мертвенным зеленым огнем, их бешеная скачка под облаками. Впереди несутся призрачные гончие, а во главе этой свиты скачет всадник на огромном черном коне. Его плащ стелется в воздухе рваным крылом, поля шля-

пы закрывают лицо от постороннего взгляда до самых губ, но встречный ветер не осмеливается коснуться ни единого волоска на его голове. Он оборачивается, и именно в этот момент я понимаю, кто он. Предводитель Дикой Охоты, позабытый древний бог, почти утративший свое могущество, потому что не осталось почитателей Дикого Гона на этой земле, некому помнить и возносить молитвы, некому верить и почитать... Он поднимает руку, перчатка на которой на миг словно расползается ветхими лохмотьями, и я вижу глубокий порез на запястье. Тонкий, будто только-только заживший шрам – но этой ране уже много веков...

Серебристый туман рассеялся так стремительно, словно его развеял невесть откуда поднявшийся ветер, а зеркальная поверхность отразила мужчину, склонившегося над моим плечом. Я вздрогнула, но оторвать взгляда от зеркала не смогла.

Потому что из-за плеча на меня смотрел Данте.

Такого выражения лица у него я никогда не видела. Настолько теплой, обезоруживающей улыбки – тоже. Умом я понимала, что надо разрушить «коридор», пока не случилось беды, но я даже рукой пошевелить не могла, не говоря уж о том, чтобы положить зеркало отражающей поверхностью вниз.

Двойник Данте коснулся моего плеча в отражении зер-

кала, а потом вытащил из-за спины серебряное ожерелье. Настоящее произведение искусства – причудливо изогнутые филигранные перья складывались в нечто вроде прочной короткой цепочки, в середине которой висел небольшой синне-сиреневый камень в круглой оправе. Почти как моя корона истинной королевы... Но это было свадебное ожерелье. У айранитов не принято обмениваться кольцами, как у людей, или же браслетами, как заведено у эльфов и драконов. Закрепление брачного союза в Андарионе осуществляется с помощью обмена особыми ожерельями, замок на которых можно застегнуть лишь раз, после чего снять ожерелье уже нельзя – разве что порвать цепочку.

И именно такое ожерелье двойник Данте собирался надеть мне на шею...

Негромко хлопнула входная дверь, пламя свечи пугливо скакнуло, а последующий возглас окончательно привел меня в чувство.

Я успела повалить оба зеркала на пол буквально за мгновение до того, как двойник надел мне на шею ожерелье. Напряжение, витавшее в воздухе, моментально пропало, а я почти без сил облокотилась на лавку перед собой, едва удерживаясь от того, чтобы не свернуться клубком прямо на полу.

– Ева, чем ты тут только что занималась? – голос Данте, настоящего, а не отраженного в зеркальном «коридоре», не был ласковым, да и хорошего он отнюдь не предвещал. Я с трудом подняла голову и посмотрела на него – свадебного

ожерелья при нем, к сожалению, тоже не наблюдалось. – Ты бы себя видела!

– Уже... – язык ворочался с трудом, да и вообще после этого гадания с зеркалом вопросов не уменьшилось, а напротив – прибавилось. Не-е-ет, больше я такими вещами заниматься не буду, себе дороже. Данте шагнул ко мне и опустился передо мной на колени, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Похоже, тебя надо круглосуточно караулить. Только отойдешь на час вздремнуть, как ты уже колдуешь так, что у Ланнан волосы дыбом встают.

– А ты у Ланнан в комнате спал, что ли? – довольно вежливо поинтересовалась я, отворачиваясь и поднимаясь с пола. – Тогда бы задержался, что ли, минут на пять, она бы тебе объяснила подробнее, как именно я тут колдую. И вообще – то, чем я занимаюсь ночью в отведенной мне комнате, касается меня и только меня. И уж никак не аватара, который в магии смыслит ровно столько же, сколько я в кузнечном деле. А что, если в следующий раз ты мне помешаешь провести какой-нибудь важный ритуал? Нельзя же так врываться ко мне в комнату, равно как нельзя следить за мной круглые сутки.

Высказалась наконец-то. Полегчало. Но, как выяснилось, высказаться хотелось не только мне.

– Мне, как твоему личному телохранителю, вообще полагается от тебя ни на шаг не отходить. Но раз уж ты прогнала

меня накануне, то всё, что я мог сделать — это быть рядом, но так, чтобы не попадаться вам на глаза, ваше величество. — Он снова перешел на «вы». Так было всегда, когда он готов был вот-вот дать волю гневу или же другой сильной эмоции. И сейчас Данте, как мне казалось, едва сдерживался, чтобы не наорать на меня, наплевав с высокой колокольни на все правила и титулы. — Но я не могу защитить мою королеву от нее самой. Я не понимаю, почему вы проводите опасные ритуалы, не позволяете мне идти с вами «изгонять призрака», который оказался опасной нежитью. Из-за собственной безалаберности вы едва не лишились руки, а могли бы погибнуть...

Я только отмахнулась, поднимая зеркало с лавки и едва не роняя его на пол, потому что под зеркалом лежал обугленный на концах обрывок тонкой веревки. Наверное, я очень сильно побледнела, потому что Данте поднялся с колена одним резким движением и встал за моим плечом, готовясь, в случае чего, ловить меня, вознамерившуюся упасть в обморок.

— Моя королева, вам плохо?

— Да... Нет... Уже не знаю. — Я смотрела на кусок веревки так, как будто это была ядовитая змея. Впервые я наблюдала вещественное доказательство реальной опасности зеркального гадания. В отражении эта веревка была свадебным ожерельем. То есть, если бы я не успела разрушить «коридор», то двойник набросил бы веревку на шею и наверняка

задушил. А я бы ничего не смогла сделать, и помочь мне было бы нельзя – потому что нельзя освободить от веревки, которую видно лишь в зеркале... – Данте, если я в следующий раз надумаю гадать на двух зеркалах, напомни мне про этот случай, ладно?

Он ответил не сразу, за это время я успела не только спалить проклятую веревку небольшим сгустком огня, но даже повесить зеркало обратно на стену с помощью левитации. И только когда я собралась менять повязку на руке, аватар решил заявить о себе.

– Ева, ответь, зачем это было нужно? Я не верю, что ты могла пойти на такой ритуал просто потому, что тебе припичило побаловаться с судьбой. Ты знаешь что-то, о чем никому не говоришь, но это знание толкает тебя на сумасшедшие поступки. – Он подошел почти вплотную, глядя на меня сверху вниз, и очень мне этот взгляд не понравился. Теперь ведь точно не успокоится, пока всё из меня не вытянет. – Почему ты так торопишься к своему наставнику? Ведь время у нас есть, но ты рвешься к себе домой так, как будто за тобой по пятам кто-то гонится. Почему не даешь мне охранять себя, всеми правдами и неправдами отсылая тогда, когда я тебе нужен? Учти, тогда, в лесу, я не стал настаивать на ответе, но сейчас тебе придется мне всё объяснить.

– Как я понимаю, ответ «Так надо» тебя не устроит? – обреченно пробормотала я, отводя взгляд, но Данте довольно жестко сжал пальцами мой подбородок, разворачивая лицо

так, чтобы я смотрела ему в глаза.

– Не устроит... Ваше величество. И отослать на этот раз вам меня не удастся.

– Только потому, что на мне нет короны, я не могу отдавать тебе приказы?

– Нет, не поэтому, – он покачал головой, не убирая пальцев от моего лица. – А потому, что я уже не принадлежу Андариону так, как раньше. Мой долг перед короной сменился долгом перед королевой. Я сознаю, что совершаю своего рода предательство, ставя одного-единственного айранита выше, чем благополучие королевства, которое я клялся оберегать и защищать. Но я клялся и королеве. И сейчас, если понадобится, я предпочту оставить Андарион без истинной правительницы, но сохранить жизнь одной лесной ведунье...

Я прикрыла глаза, не желая, чтобы Данте прочитал в них всю ту бурю эмоций, которая не давала мне покоя последние дни, и заговорила. С каждым словом мой голос наливался металлом, слова падали в тишину комнаты, как обломки серебряного клинка, но хуже всего было то, что, начав говорить, я уже не могла остановиться. Словно сейчас моими устами говорила сама Прядильщица, и от этого слова становились пророчеством, подозрения – судьбой, а страхи – предвестием беды...

Я уже не слышала того, что шептали мои губы, но картины грядущего, подсмотренные в зеркале, снова вставали перед моими глазами, только на этот раз связанные воедино,

уже не обрывки видений – а полноценная картина пророчества. То, что началось в тот миг, когда я попросила безыменья показать обреченного, закончится в ночь Дикой Охоты. Не знаю, с каким результатом, но ночь Излома всё расставит по местам, и не будет больше туманных пророчеств – по крайней мере, в той судьбе, о которой я рассказывала.

По щекам стекали обжигающе горячие капли, а я всё говорила и говорила, словно читая по написанному или рассказывая давно заученный, а потом по какой-то причине позабытый текст. Некоторые слова произносились легко, другие приходилось с усилием выталкивать из горла, как острые куски льда, неудивительно, что горло очень скоро начало саднить и жечь, как огнем...

Я пришла в себя на полу. Данте прижимал меня к себе, но сам словно не решался пошевелиться, застыв наподобие статуи. Только сейчас я почувствовала, что пол на самом деле очень холодный, а ступни замерзли настолько, что наверняка ощущались двумя ледышками, но сильнее всего болело горло – как будто я пыталась проглотить что-то твердое с острыми, ранящими краями. Или, наоборот, извергнуть из себя. Слова, особенно составляющие пророчества, имеют свой вес, свою силу, а иногда срабатывают не хуже заклинания и могут причинять ощутимую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.